

ТЕРРИ ПРАТЧЕТТ

Правда

СВИНЕЦ МОЖНО
ПРЕВРАТИТЬ В ЗОЛОТО.
И ОНИ ЗНАЮТ КАК.

Плоский мир

Терри Пратчетт

Правда

«ЭКСМО»

1999

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4Вел)-44

Прагчетт Т.

Правда / Т. Прагчетт — «Эксмо», 1999 — (Плоский мир)

ISBN 978-5-04-184557-5

Они – основатели "Правды": первого в Плоском мире новостного листка. Их оружие – блокнот, перо и слово. Они знают всё, что происходит в Анк-Морпорке, и рассказывают об этом раньше всех. Когда лорда Витинари обвиняют в сумасшествии, воровстве и попытке убийства, они не могут остаться в стороне. Их цель – выяснить правду. И написать о ней... если их не прикончат раньше. Переиздание знаменитого цикла «Плоский мир» сэра Терри Прагчетта, который стал легендой и классиком еще при жизни. Оформление суперпопулярной в России художницы и писательницы Полины Граф. Внутри эскизы персонажей и сюжетных сцен, литеры на страницах, портрет автора и дополнительная цветная иллюстрация.

УДК 821.111-312.9

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-184557-5

© Прагчетт Т., 1999

© Эксмо, 1999

Содержание

Примечание автора	6
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Терри Пратчетт

Правда

Terry Pratchett

DISCWORLD: THE TRUTH

Copyright © Terry and Lyn Pratchett, 1999

First published as The Truth by Transworld Publishers, a part of the Penguin Random House group of companies

© Демидов Р.А., перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Примечание автора

Иногда писателю, работающему в жанре фэнтези, приходится указывать, насколько странным реальный мир. Способ, которым Анк-Морпорк боролся с наводнениями (см. стр. 116 и далее), поразительно напоминает тот, что приняли на вооружение в городе Сиэтл, штат Вашингтон, под конец девятнадцатого века. Правда. Можете съездить и проверить. Заодно попробуйте местную похлебку из моллюсков.

Сплетня охватила город, точно пожар (которые с тех пор, как горожане узнали, что такое «страховка от огня», охватывали Анк-Морпорк с завидной регулярностью).

Гномы умеют делать золото из свинца...

Она гудела в зловонном воздухе квартала алхимиков, которые веками пытались достичь именно этой цели и не преуспели, хотя и были уверены, что завтра у них получится обязательно, в крайнем случае – в следующий вторник и уж точно – к концу месяца.

Она вызвала споры среди волшебников Незримого Университета, которые знали, что сделать из одного вещества другое *возможно*, если, конечно, тебя устраивает, что завтра оно превратится обратно, – только какой от этого толк? К тому же большинство веществ довольно жизнью и без всяких превращений.

Она просочилась в покрытые шрамами, опухшие, а порой и вовсе отсутствующие уши затачивавших свои фомки членов Гильдии Воров. Какая разница, *откуда* берется золото?

Гномы умеют делать золото из свинца...

Она коснулась хладнокровных, но невероятно чутких ушей патриция и сделала это довольно быстро, потому что человеку, узнающему новости вторым, недолго быть правителем Анк-Морпорка. Он вздохнул, написал что-то на кусочке бумаги и добавил его в стопку таких же кусочков.

Гномы умеют делать золото из свинца...

Она достигла и заостренных гномских ушей.

– Что, правда умеем?

– Да чтоб я знал. Я так точно не умею.

– Да, но ведь если бы ты умел, то никому бы не сказал. Вот я бы, если бы умел, точно бы помалкивал.

– А ты умеешь?

– Нет!

– Ага!

Она дошла и до ночных стражников, заступивших холодным вечером на дежурство у ворот. Охрана ворот Анк-Морпорка была задачей нетрудной. Всего-то и дел, что махать всем желающим проехать, чтобы проезжали, – хотя в темноте и промозглом тумане желающих было немного.

Стражники укрылись под аркой ворот и, ежась, делили одну промокшую самокрутку на двоих.

– Нельзя взять одну штуку и сделать из нее другую, – заявил капрал Шноббс. – Алхимики уж сколько лет пытаются.

– Ну, сделать из дома дыру в земле у них обычно получается, – заметил сержант Колон.

– Об этом я и говорю, – ответил капрал Шноббс. – Невозможно. Это все связано с этими... с элементами. Мне один алхимик говорил. Все состоит из элементов, понятно? Земля, Вода, Воздух, Огонь и... и чего-то там еще. Широко известный факт. И в каждой штуке они смешаны по-своему.

Он стал переминаться с ноги на ногу в попытке хоть как-то их согреть.

– Если б можно было превращать свинец в золото, все бы только этим и занимались, – сказал он.

– Волшебники могут.

– Ой, ну это же *магия*, – пренебрежительно протянул Шноббс.

Из желтой дымки, грохоча, вынырнула повозка и проехала сквозь ворота, окатив Колона водой из ямины – одной из тех, что служили неизменным украшением анк-морпоркских дорог.

– Гномы треклятые, – сказал сержант вслед повозке. Но так, чтобы его случайно не услышали.

– Как их много одну повозку толкает, – задумчиво проговорил капрал Шноббс. Повозка медленно свернула за угол и пропала из виду.

– Так в ней, поди, полно этого золота, – сказал Колон.

– Ха. Ага. В этом, наверное, и дело.

А потом сплетня добралась до ушей Уильяма де Словва, и в каком-то смысле на этом ее путь и завершился, потому что Уильям добросовестно ее записал.

Такая у него была работа. Леди Марголотта из Убервальда платила ему за это пять долларов в месяц. И вдовствующая герцогиня Щеботанская тоже платила пять долларов. И король Веренс Ланкрский, и еще несколько овцепикских аристократов. И еще сериф Аль-Хали – только в этом случае оплатой служили полтелеги фиг, доставляемых дважды в год.

Уильям считал, что в целом устроился неплохо. Ему всего-то и нужно было, что раз в месяц очень аккуратно написать одно-единственное письмо, перенести его в зеркальном виде на кусок самшита, предоставленный господином Резником, гравером с улицы Искусных Умельцев, а потом заплатить господину Резнику двадцать долларов, чтобы он тщательно устранил те куски дерева, которые не являлись буквами, и сделал пять оттисков на бумаге.

Конечно, все это нужно было делать с умом, оставляя пространство после слов «Моему Благородному Клиенту» и еще кое-где – эти пробелы Уильям заполнял позже, – но даже с учетом расходов он зарабатывал около тридцати долларов за один-единственный рабочий день в месяц.

Молодой человек без особенных обязательств вполне мог жить в Анк-Морпорке на тридцать-сорок долларов в месяц; фиги Уильям продавал, потому что на фигах, конечно, жить тоже можно, но свести счета с такой жизнью захочется очень скоро.

И он всегда мог найти какой-нибудь дополнительный заработок. Мир букв был для многих жителей Анк-Морпорка кни... таинственным бумажным предметом за семью печатями, поэтому многие из тех, кому все-таки приходилось доверять что-то бумаге, поднимались по скрипучим ступенькам рядом с вывеской «Уильям де Словв: Запишем как надо».

Например, гномы. Гномы постоянно приезжали в город в поисках работы, и первым делом отправляли домой письмо с рассказом о том, как им тут живется. Это было так ожидаемо – даже если конкретному гному жилось настолько плохо, что он вынужден был слопать собственный шлем, – что Уильям попросил господина Резника изготовить несколько десятков писем-шаблонов, в которых нужно было только заполнить пару пробелов – и никто бы не подкапался.

Поэтому под каждой горой Плоского мира можно было найти любящих гномов-родителей, как зеницу ока хранивших письма, выглядевшие примерно так:

Дарагие [мама с папой]!

Дабрался я в опчем харашо и живу, по адресу [Анк-Морпк Тени Заводильная улица 109]. Все в порядке. Нашел себе харошую работенку у [г-на С.Р.Б.Н. Достабля, частного предпринимателя] и очинь скоро буду зашибать кучу денег. Я помню все ваши добрые советы и не пью в барах и не путаюсь с троллями. Вот наверно и все надо мне бежать, очень хачу снова повидать вас и [Эмелию], ваш любящий сынок [Томас Криволюб]»

...который, диктуя письмо, обычно шатался. Двадцать с легкостью заработанных пенсов – а в качестве дополнительной услуги Уильям подгонял орфографию под конкретного клиента и давал ему самостоятельно расставить запятые.

Тем вечером, под бульканье дождя со снегом в водосточных трубах, Уильям сидел в своем крошечном рабочем каинете над Гильдией Заклинателей и аккуратно выводил буквы, вполуха слушая, как этажом ниже начинающие заклинатели безнадежно, но усердно повторяют на вечернем занятии слова учителя.

– ...внимательно. Готовы? Хорошо. Яйцо. Стакан...

– *Яйцо. Стакан*, – скучно прогудел класс.

– ...Стакан. Яйцо...

– *Стакан. Яйцо*...

– ...Волшебное слово...

– *Волшебное слово*...

– Фазаммм. Вот так вот. Ахахахаха...

– *Фаз-аммм. Вот так вот. Аха-ха-ха-ха-ха*...

Уильям придвинул к себе очередной лист бумаги, заточил свежее перо, ненадолго уткнулся взглядом в стену и написал следующее:

И наконец, если забыть о Серьезном, поговаривают, что Гномы научились обращать Свинец Золотом – хотя никто не знает, откуда произошел этот слух, – так что законопослушных Гномов, выходящих в Город по своим делам, встречают такими криками, как, цитирую: «Эй, коротышка, натвори Золотишка!» – хотя поступают так исключительно Приезжие, поскольку все местные жители знают, что ожидает того, кто назовет Гнома «коротышкой», а именно Смерть. Ваш покорный слуга, Уильям де Словв

Ему нравилось заканчивать письма на мажорной ноте.

Уильям взял самшитовую доску, зажег новую свечу и уложил письмо на дерево текстом вниз. Потер бумагу ложкой – и чернила перешли на древесину, а тридцать долларов и такое

количество фиг, которое способно обеспечить человеку серьезные проблемы с желудком, были уже, можно сказать, у него в кармане.

Сегодня он занесет письмо господину Резнику, завтра после расслабленного обеда забереет копии и, если все пойдет как надо, к середине недели уже их разошлет.

Уильям надел пальто, аккуратно обернул доску вошеной бумагой и вышел в холодный вечер.

Мир составляют четыре элемента: Земля, Воздух, Огонь и Вода. Это факт, известный даже капралу Шноббсу. И ошибочный. Существует и пятый элемент, называемый обычно Элементом Неожиданности.

Вот вам пример: гномы обнаружили, как делать золото из свинца сложным путем. Он отличается от простого тем, что работает.

Гномы толкали свою перегруженную, скрипящую повозку по улице, вглядываясь в туман. Повозка порастала льдом, гномьи бороды – сосульками.

Всего-то и нужно было, что одна замерзшая лужа.

Старая добрая Госпожа Удача. На нее *всегда* можно положиться.

Туман сгущался, превращая каждый огонек в тусклое сияние и приглушая звуки. Для сержанта Колона и капрала Шноббса было очевидно, что никакая орда варваров не станет включать завоевание Анк-Морпорка в свои туристические планы на этот вечер. Стражники их понимали.

Они закрыли ворота. Эта процедура была не такой значимой, какой могла показаться, поскольку ключи потерялись уже давно, и припозднившиеся гости города обычно швырялись

камушками в окна построенных на стене домов, пока не находили того, кто готов был открыть для них засов. Предполагалось, что иноземные захватчики не в курсе того, в какое окно лучше бросить камушек.

Потом парочка стражников потащилась по грязи и слякоти к Шлюзовым воротам, через которые имела честь проникать в город река Анк. Воды в темноте было не видно, однако время от времени мимо парапета проплывали призрачные силуэты льдин.

– Погоди-ка, – сказал Шнобби, когда они с Колоном ухватились за лебедку подъемной решетки. – Там, внизу, кто-то есть.

– В реке? – переспросил Колон.

Он прислушался. Далеко внизу поскрипывали весла.

Сержант Колон сложил ладони рупором и издал традиционный оклик стражника:

– Эй! Вы!

На мгновение стихло все, кроме шума ветра и плеска воды. Потом кто-то сказал:

– Да?

– Вы это в город вторгаетесь или что?

Последовала еще одна пауза.

– Что?

– Что «что»? – переспросил Колон, поднимая ставку.

– Что за другие варианты?

– Ты мне голову не дури... Вот *вы*, которые в лодке, сейчас в город *вторгаетесь*?

– Нет.

– Ну и хорошо, – сказал Колон, который в подобный вечер рад был поверить человеку на слово. – Тогда поспешайте, а то мы решетку опускаем.

Вскоре плеск весел возобновился и удалился вниз по течению реки.

– Может, надо было не только спросить? – засомневался Шнобби.

– Ну, им же лучше знать, – ответил Колон.

– Да, но...

– Да это же маленькая весельная лодчонка, Шнобби. Конечно, если тебе хочется спускаться по этим славным обледеневшим ступенькам к причалу...

– Нет, сержант.

– Тогда давай-ка возвращаться в штаб-квартиру, ага?

Уильям поднял воротник и заторопился к граверу Резнику. Обычно людные улицы опустели. Из дома казали нос лишь те, у кого находились неотложные дела. Зима обещала быть мерзкой – гаспаччо из промозглого тумана, снега и вечного, бесконечного анк-морпоркского смога.

Взгляд Уильяма привлекло небольшое пятнышко света возле Гильдии Часовщиков. Сияние обрисовывало маленькую сгорбившуюся фигурку.

Он подошел поближе.

Безнадежный голос спросил:

– Горячую сосиску? В тесте?

– Господин Достабль? – спросил Уильям.

Себя-Режу-Без-Ножа Достабль, самый предприимчиво невезучий из анк-морпоркских бизнесменов, посмотрел на Уильяма поверх своего лотка для готовки сосисок. В стынущем жиру шипели снежинки.

Уильям вздохнул.

– Припозднились вы, господин Достабль, – сказал он вежливо.

– Ах, господин Словв. Тяжкие времена настали в сосисочном деле, – отозвался Достабль.

– Люди с жиру бесятся, да? – спросил Уильям. Он не смог бы сдержаться даже за сотню долларов и целую баржу фиг.

– На рынке съестных товаров определенно период спада, – продолжал Достабль, слишком погруженный в уныние, чтобы заметить. – Пойди найди того, кто готов купить сосиску в тесте.

Уильям опустил взгляд на лоток. Если Себя-Режу-Без-Ножа Достабль снова взялся за торговлю горячими сосисками, значит, какое-то из его более амбициозных предприятий в очередной раз всплыло кверху брюхом. Продажа горячих сосисок с лотка была для Достабля изначальным состоянием, из которого он постоянно пытался вырваться и в которое возвращался всякий раз, когда его новая авантюра заканчивалась провалом. На горе прочим, поскольку Достабль был невероятно талантливым продавцом сосисок. Ему приходилось им быть, учитывая, какие он делал сосиски.

– Надо было мне получить приличное образование, как тебе, – говорил Достабль понуро. – Чтобы работать в приятном месте, где не надо тяжести волокать. Я мог бы отыскать себе нычу, если б только получил нормальное образование.

– Нычу?

– Мне про них один волшебник рассказывал, – объяснил Достабль. – У всех есть своя ныча. Ну, знаешь. Вроде как: место, где они должны быть. Для которого они созданы?

Уильям кивнул. Он знал много слов.

– Ниша? – уточнил он.

– Ага, она. – Достабль вздохнул. – Семафоры вот я прохлопал. Не понял, что они такое. Не успел оглянуться – все понаоткрывали клик-компания. Большие деньги. Куда уж мне. А вот на фенсуе я бы мог подняться. Да только не свезло.

– Я определенно почувствовал себя лучше, развернув кресло, – подтвердил Уильям. Этот совет стоил ему двух долларов, на пару с указанием держать крышку нужника закрытой, чтобы Дракон Несчастий не влетел ему в задний проход.

– Ты был моим первым клиентом, и я тебе благодарен, – сказал Достабль. – Все было подготовлено, я и колокольчики Достабля сделал, и зеркала Достабля, деньги рекой должны были потечь... в смысле, вот-вот должна была настать полная гармония, а потом... хлоп. И я снова по уши в дурной карме.

– Господин Пассмор только через неделю смог на ноги встать, – вспомнил Уильям. Случай со *вторым* клиентом Достабля послужил отличным материалом для его новостной рассылки и с лихвой окупил те два доллара.

– Откуда же мне было знать, что Дракон Несчастий и правда существует? – спросил Достабль.

– Он, кажется, и не существовал, пока вы не убедили в этом господина Пассмора, – ответил Уильям.

Достабль немного повеселел.

– Ну да, что ни говори, а идеи я продавать всегда умел. Может, получится убедить тебя, что сосиска в тесте – как раз то, что тебе сейчас нужно?

– Вообще-то мне нужно отнести это господину... – начал Уильям, а потом спросил: – Вы сейчас крика не слышали?

– У меня еще и пирожки с холодной свиной где-то завалились, – продолжал Достабль, копошась в своем лотке. – И я могу предложить вам убедительную скидку при условии...

– Я точно что-то слышал, – сказал Уильям.

Достабль наострил уши.

– Что-то вроде грохота? – спросил он.

– Да.

Они взгляделись в медленно клубившийся над Бродвеем туман.

Который неожиданно сгустился в огромную, накрытую брезентом повозку, катившуюся неостановимо и очень быстро...

И последним, что запомнил Уильям перед тем, как что-то вылетело из темноты и врезалось ему между глаз, был чей-то крик:

– Остановите станок!

Сплетня, пригвожденная пером Уильяма к бумаге, точно бабочка к доске, не дошла до кое-каких людей, поскольку на уме у них были другие, более темные дела.

Их лодка с шипением прорезала воды реки Анк, неспешно смыкавшиеся позади.

Двое мужчин гребли. Третий сидел на носу лодки. Иногда он что-нибудь говорил.

Вот, например:

– У меня нос чешется.

– Подожди, пока до места доберемся, – сказал один из гребцов.

– Вы можете меня снова развязать. Он правда чешется.

– Мы тебя развязывали, когда останавливались пообедать.

– Тогда он не чесался.

– Может, мне ему снова врезать ятским веслом по ятской голове, господин Штырь?

– Хорошая идея, господин Тюльпан.

В темноте раздался глухой стук.

– Ай.

– Больше не создавай проблем, приятель, а то господин Тюльпан потеряет терпение.

– Ага, ять, это верно. – За этими словами последовал звук, напоминающий работу фабричного насоса.

– Ты бы полегче с этой штукой, а?

– Ничего, господин Штырь, до сих пор же она, ять, меня не прикончила.

Лодка с хлопаньем остановилась у крошечного, почти заброшенного причала. Высокую фигуру, которая недавно привлекла к себе внимание господина Штыря, сгрузили на берег и затащили в переулок.

Мгновением позже в темноте раздался шум удаляющейся кареты.

Может показаться невероятным, что в такую дрянную ночь кто-то мог стать свидетелем этой сцены.

Но свидетели были. Вселенная требует, чтобы наблюдатель был у всего, иначе она перестанет существовать.

Из теней соседнего переулка, шаркая, вышла фигура. Рядом с ней, прихрамывая, держалась другая, пониже.

Они смотрели, как отъехавшая карета исчезает в снегопаде.

Та фигура, что поменьше, сказала:

– Так-так-так. Ну и дела. Человека спеленали и мешок на голову надели. Интересные дела, да?

Фигура повыше кивнула. Она носила огромное старое пальто, которое было ей велико на несколько размеров, и фетровую шляпу, которую время и погода превратили в мягкий колпак, свисающий с головы хозяина.

– Рвать-колотить, – сказала фигура. – Копна в штанах, бабах и чудак-человечек. Говорил я вам, говорил. Десница тысячелетия и моллюск. Разрази их гром.

Помолчав, фигура запустила руку в карман и извлекла сосиску, которую разломала пополам. Одна половинка исчезла под шляпой, а вторая была брошена маленькой фигуре, которая в этой паре отвечала за речь – по крайней мере, за вразумительную речь.

– Похоже, грязные делишки тут творятся, – сказала маленькая фигура, стоявшая на четырех лапах.

Сосиска была съедена в молчании. Затем пара снова двинулась в ночь.

Как голубь не может ходить, не качая головой, так и высокая фигура, похоже, не умела двигаться без тихого бессвязного бормотания:

– *Говорил я им, говорил я им.* Десница тысячелетия и моллюск. Говорил, говорил, говорил. О нет. А все покончилось, а я *говорила*. Чтоб их. Порожки. Говорил, говорил, говорил. Зубы. Как там этот век зовут, я и говорю, что говорил, вина-то не моя, вот оно как, вот оно как, само собой разумеется...

До его ушей сплетня в конце концов дошла, но к тому времени он сам уже стал ее частью.

Что же до господина Штыря и господина Тюльпана – о них пока что следует знать лишь одно: они из тех людей, которые обращаются к вам «приятель». Приятельских чувств такие люди не испытывают ни к кому.

Уильям открыл глаза. *Я ослеп*, подумал он.

Потом он откинул одеяло.

А потом его настигла боль.

Острая, неотвязная боль, угнездившаяся прямо над глазами. Он с опаской коснулся головы. На ней, судя по всему, были синяк и что-то похожее на вмятину в коже, если не в кости.

Уильям сел. Он был в комнате со скошенным потолком. За маленьким окошком скопилось немножко грязного снега. Кроме постели, состоявшей только из матраса и одеяла, мебели в комнате не было.

Здание сотряслось от удара. С потолка полетела пыль. Уильям встал и, держась за голову, поплелся к двери. За ней оказалась куда более просторная комната, или, говоря точнее, мастерская.

От нового удара у него задребезжали зубы.

Уильям попытался сосредоточиться.

Комната была полна гномов, трудившихся за парой длинных верстаков. А в дальнем конце несколько из них сгрудились вокруг чего-то похожего на сложный ткацкий станок.

Который снова сотряс здание.

Уильям потер лоб.

– Что происходит? – спросил он.

Ближайший гном поднял на него взгляд и поспешно толкнул своего коллегу. Толчки прокатились по рядам, и неожиданно комнату от стены до стены заполнило осторожное молчание. На Уильяма уставилась дюжина серьезных гномьих лиц.

Никто не способен глядеть пристальнее гнома. Возможно, это потому, что между обязательными шлемом и бородой у них не так уж и много лица. Выражения лиц у гномов более *концентрированные*.

– Э-э, – сказал Уильям. – Привет?

Первым вышел из ошолобления один из гномов, стоявших у большого станка.

– Давайте за работу, парни, – сказал он, подошел к Уильяму и строго посмотрел ему в пах. – Ты как, твоя светлость?

Уильям поморщился.

– А... что случилось? – спросил он. – Я, э-э, помню, что увидел повозку, а потом меня что-то ударило...

– Мы ее не удержали, – объяснил гном. – И с нее груз слетел. Ты уж извини.

– А что случилось с господином Достаблем?

Гном склонил голову набок.

– Это тощий мужик с сосисками? – уточнил он.

– Да, это он. Его не ранило?

– Не думаю, – осторожно сказал гном. – Он продал молодому Громобою сосиску в тесте – это я знаю точно.

Уильям задумался. Анк-Морпорк таил немало ловушек для неосторожных новичков.

– Хорошо, а с господином *Громобоем* все в порядке? – спросил он.

– Наверное. Он вот только-только крикнул через дверь, что ему уже гораздо лучше, но он пока что останется там, где есть, – ответил гном. Он залез под верстак и с серьезным видом вручил Уильяму что-то прямоугольное, завернутое в грязную бумагу.

– Это, кажется, твое.

Уильям развернул доску. Она треснула пополам там, где по ней проехалось колесо, а чернила размазались. Он вздохнул.

– Прошу прощения, – сказал гном, – а чем это было раньше?

– Это доска для гравюры, – ответил Уильям. Он не знал, как ему объяснить, что это такое, гному из провинции. – Ну, знаете? Гравюра? Это... Это такой почти волшебный способ делать из одного письма *очень* много. Боюсь, мне теперь придется пойти и заказать новую.

Гном как-то странно посмотрел на Уильяма, а потом взял у него доску и повертел в руках.

– Понимаете, – начал Уильям, – гравер отрезает куски...

– А оригинал у тебя остался? – спросил гном.

– Простите?

– Оригинал, – терпеливо повторил гном.

– А, да. – Уильям залез во внутренний карман сюртука и достал письмо.

– Можно взять на секундочку?

– Ну хорошо, только оно мне еще понадобится, чтобы...

Гном изучил письмо, а потом повернулся и со звонким *бздынь* ударил соседнего гнома по шлему.

– Десять пунктов на три, – сказал он, передавая бумагу. Ударенный гном кивнул, и его правая рука заметалась по ряду маленьких коробочек, что-то из них выбирая.

– Мне надо бы вернуться, чтобы... – начал Уильям.

– Это много времени не займет, – сказал главный гном. – Пройди-ка сюда. Тебе, как человеку, работающему с буквами, должно быть интересно.

Уильям последовал за ним мимо занятых работой гномов к машине, которая продолжала непрерывно грохотать.

– О. Так это граверный станок, – неуверенно сказал Уильям.

– Только немножко измененный, – ответил гном. – Мы его... усовершенствовали.

Он взял из стопки у станка большой лист бумаги и вручил Уильяму, который прочел:

– Как тебе? – застенчиво спросил гном.

– Это вы – Гунилла Доброгор?

– Ага. Так как тебе?

ГУНИЛЛА ДОБРОГОР И К^о

Уважительно просят

предоставить работу для новой

СЛОВОКУЗНИЦЫ

Уникальный метод изготовления
множественных оттисков, подобных которому

МИР ПАНЫНЕ НЕ ВИДАЛ.

Доступные цены

**под вывеской «Ведро», Блестящая улица,
близ улицы Паточной Шахты, Анк-Морпорк**

– Ну-у... буквы у вас получились красивые и ровные, не могу не признать, – сказал Уильям. – Но я не понимаю, что в этом нового. И вы «побыне» с ошибкой написали. Там должно быть «о» вместо «а». Придется новую гравюру делать, а то вас засмеют.

– Правда? – удивился Доброгор. Он пихнул одного из своих коллег: – Кезлонг, подай мне, пожалуйста, строчную «о» на девяносто шесть пунктов. Спасибо.

Доброгор склонился над прессом, взял гаечный ключ и принялся что-то делать в механическом полумраке.

– Надежная рука нужна, чтобы буквы такими ровными получались, – похвалил Уильям. Ему было немного неловко, что он указал на ошибку. Скорее всего, ее и так бы никто не заметил. В Анк-Морпорке верная расстановка букв считалась чем-то не слишком обязательным. Тут подход был такой же, как и к знакам препинания: неважно, где оно стоит, лишь бы стояло.

Гном закончил свою таинственную деятельность, провел чернильной подушечкой по чему-то внутри пресса и слез на пол.

– Хотя на самом деле, – *бух*, – никто на ошибку и внимания не обратит, – сказал Уильям.

Доброгор снова открыл станок и, не говоря ни слова, вручил Уильяму влажный бумажный лист.

Уильям прочитал его.

Буква «о» стояла где положено.

– Как... – начал он.

– Это такой почти волшебный способ делать из одного письма очень много и очень быстро, – сказал Доброгор. Сбоку от него возник еще один гном с большой металлической пластиной в руках. Пластина была усеяна маленькими металлическими буквами. Доброгор взял ее и широко улыбнулся Уильяму.

– Хочешь что-нибудь поменять, пока мы не начали печатать? – спросил он. – Только скажи. Пары дюжин оттисков тебе хватит?

– О боги, – проговорил Уильям. – Вы что же тут, *печатью* занимаетесь?..

«Ведро» было таверной – своего рода. Заглядывали сюда редко. В деловом плане улица, на которой «Ведро» стояло, была если и не убита, то ранена. Лишь немногие торговые здания выходили на нее фасадами. В основном же здесь были только задние двory да глухие складские стены. Никто уже и не помнил, почему она звалась Блестящей улицей. Блеском в этих местах и не пахло.

К тому же решение назвать таверну «Ведром» было не из числа тех, что попадают в списки Самых Удачных Маркетинговых Ходов В Истории. Владел ею господин Сыр, человек худой, сухой и улыбающийся лишь тогда, когда до него доходили вести об особенно жестоком убийстве. Обычно он недоливал клиентам, а чтобы загладить свою вину – еще и драл с них втридорога. Однако таверну облюбовала городская Стража и назначила ее своим неофициальным клубом, поскольку стражи порядка любят выпивать в местах, куда больше никто не ходит и где можно забыть, что они – стражи порядка.

В чем-то это пошло хозяину на пользу. Даже воры с лицензией теперь не решались ограбить «Ведро». Стражникам не нравилось, когда им мешали пить. С другой стороны, господин Сыр никогда не встречал такой отъявленной шайки мелких жуликов, как та, что носила униформу Стражи. За первый же месяц его стойка перевидала больше фальшивых долларов и непонятных иностранных монет, чем за десять предыдущих лет торговли. Ну и как от такого не впасть в депрессию? Зато среди баек об убийствах встречались весьма забавные.

Он зарабатывал в том числе и тем, что сдавал внаем скопище примыкавших к таверне сараев и подвалов. Обычно их занимали – очень недолго – горевшие энтузиазмом изобретатели, которые верили, что современному миру никак, ну никак не обойтись без надувной мишени для дротиков.

Однако сегодня снаружи «Ведра» собралась толпа людей, читавших одно из напечатанных с ошибкой объявлений, которое Доброгор прибил к двери. Доброгор вышел на улицу вслед за Уильямом и заменил объявление на исправленную версию.

– Ты уж прости, что с твоей головой так получилось, – сказал он. – Мы не специально в тебя впечатались. Так что письмо за счет компании.

Уильям поплелся домой, держась в тени на случай, если встретит господина Резника. А дома все-таки вложил отпечатанные листы в конверты, отнес к Пупсторонним воротам и отдал посыльным, раздумывая о том, что делает это на несколько дней раньше, чем ожидал.

Посыльные странно на него поглядывали.

Он вернулся в свое жилище и осмотрел себя в зеркале над умывальником. Значительную часть его лба занимала прописная «Р», отпечатанная синюшными цветами.

Уильям замотал ее бинтом.

У него осталось еще восемнадцать оттисков. Пораскинув мозгами и ощутив в себе стремление к авантюрам, он отыскал в своих записных книжках адреса восемнадцати выдающихся горожан, которые могли позволить себе оплатить новостную рассылку, написал каждому короткое сопроводительное письмо, предлагая свои услуги за – он подумал, а потом тщательно вывел слова «пять долларов», – и запечатал вместе с лишними копиями в восемнадцать конвертов. Конечно, он мог и господина Резника попросить изготовить больше писем, но это всегда казалось ему *неправильным*. После того как старик провел весь день, вырезая слова, требовать, чтобы он запятнал свое мастерство созданием десятков дубликатов, казалось неуважением. А вот куски металла и машины в уважении не нуждались. Машины не были живыми.

Вот из-за этого и должны были возникнуть проблемы. Их было не избежать. Гномы, похоже, ничуть не обеспокоились, когда Уильям рассказал им, как много у них будет проблем.

Карета подъехала к большому городскому особняку. Дверь открылась. Дверь закрылась. Еще в одну дверь постучали. Она открылась. Она закрылась. Карета уехала прочь.

Окна в одной из комнат на первом этаже были плотно занавешены, и наружу просачивалось лишь немного света. И лишь немного звуков, хотя любой возможный слушатель заметил бы, как стихает шум разговора. Потом опрокинулся стул, и несколько человек одновременно прокричали:

– Это *он*!

– Это какой-то фокус... или нет?

– Да будь я проклят!

– Если это *он*, мы все прокляты!

Выкрики смолкли. А потом кто-то очень спокойно заговорил:

– Прекрасно. Прекрасно. Уведите его, господа. Устройте его поудобнее в подвале.

Раздались шаги. Открылась и закрылась дверь.

Другой, менее уверенный, голос сказал:

– Мы можем просто заменить...

– *Нет*, мы не можем. Насколько я понимаю, наш гость, к счастью, человек невеликого ума. – Первый голос обладал особым свойством. Он звучал так, словно любое несогласие было не просто невообразимо, но и невозможно. Он привык находиться в компании слушателей.

– Но он же как две капли воды...

– Да. Поразительно, не правда ли? Но не будем все усложнять. Мы – телохранители лжи, господа. Мы – единственное, что стоит между нашим городом и забвением, так давайте не упустим этот уникальный шанс. Пусть Витинари и не прочь увидеть, как люди станут меньшинством в величайшем из своих городов, но, говоря откровенно, его убийство было бы... нежелательно. Оно привело бы к бунту, а бунт тяжело направить в нужную сторону. К тому же всем нам известно, что есть люди, которые очень любят совать свой нос в чужие дела. Нет. Есть третий путь. Плавный переход из одного состояния в другое.

– А что станет с нашим новым другом?

– О, наши подручные известны как весьма находчивые люди, господа. Уверен, они знают, что делать с человеком, чье лицо ему больше не подходит.

Раздался смех.

В Незримом Университете царил небольшой переполох. Волшебники перебежали от здания к зданию, поглядывая на небо.

Проблема была, разумеется, в лягушках. Не в дождях из лягушек, которые теперь в Анк-Морпорке случались не так уж и часто, а в заморских древесных лягушках из влажных джунглей Клатча. Это были крошечные, яркие, жизнерадостные создания, выделявшие один из самых убийственных ядов на свете, и поэтому приглядывать за большим виварием, где в довольстве проходили их дни, поручали студентам-первогодкам, исходя из того, что, если они в чем-нибудь напортачат, зазря пропадет не слишком много образования.

Время от времени одну из лягушек извлекали из вивария и помещали в небольшую баночку, в которой она ненадолго становилась совсем уж счастливой лягушкой, после чего засыпала, а просыпалась уже в великих небесных джунглях.

Таким образом волшебники Университета получали активный ингредиент для изготовления пилюль, которые потом скармливали казначею, чтобы поддерживать в нем здравый ум. По крайней мере, *видимость* здравого ума, потому что в старом добром НУ ничто не получается настолько просто. На самом деле казначей был неизлечим и галлюцинировал более-менее постоянно, однако его коллеги, продемонстрировав воистину нешаблонное мышление, решили, что в таком случае с проблемой можно разобраться, если найти средство, которое заставит его *галлюцинировать, что он абсолютно здоров*¹.

Это сработало. Хоть и не с первой попытки. Однажды казначей несколько часов считал себя книжным шкафом. Однако теперь он постоянно считал себя казначеем, и это почти искупало тот маленький побочный эффект, из-за которого он также вообразил, будто умеет летать.

Разумеется, во Вселенной была уже целая куча людей, которые точно так же уверялись, что могут без проблем игнорировать гравитацию (в основном после того, как принимали какой-нибудь местный эквивалент пилюль из сушеных лягушек), из-за чего элементарной физике приходилось поработать сверхурочно, а на улицах образовывались небольшие пробки. Но когда волшебник втемяшивает себе в голову, что умеет летать, все оборачивается немного иначе.

– Казначей! Немедленно спускайся! – рявкнул в мегафон аркканцлер Наверн Чудакулли. – Я же тебе запретил подниматься выше стен!

Казначей медленно спланировал на газон.

– Вы меня звали, аркканцлер?

Чудакулли помахал в воздухе листком бумаги.

– Ты ведь недавно мне говорил, что мы тратим кучу денег на граверов, да? – пролаял он. Казначей переключил свой мозг на более-менее нормальную скорость работы.

---

¹ Довольно распространенный тип галлюцинаций, встречающийся у большинства людей.

– Я говорил? – переспросил он.

– Ты сказал, что мы выходим за рамки бюджета. Я точно помню.

В заедающей коробке передач казначеева мозга зацепились друг за друга несколько шестеренок.

– О. Да. Да. Чистая правда, – выдал он. Еще одна шестеренка встала на место. – Боюсь, мы каждый год выбрасываем целое состояние. Гильдия Граверов...

– Тут какой-то парень пишет, – аркканцлер взглянул на листок, – что у него десять копий документа на тысячу слов стоят доллар за штуку. Это как, дешево?

– Полагаю, аркканцлер, что сумма была вырезана, э, неправильно, – сказал казначей, которому наконец удалось перейти на спокойный и убаюкивающий тон, больше всего подходящий для разговора с Чудакулли. – При таких суммах у него и самшит не окупится.

– А еще тут написано, – бумага зашуршала, – что размер кегля – от десяти пунктов.

Казначей на мгновение утратил самоконтроль.

– Ну не чудак ли!

– Что?

– Прошу прощения, аркканцлер. Я имею в виду, что здесь какая-то ошибка. Даже если кто-то и правда умеет резать так мелко, дерево раскрошится после пары оттисков.

– Я смотрю, ты в этом деле разбираешься?

– Так получилось, аркканцлер, что мой двоюродный дед был гравером. А на оттиски, как вам известно, уходит огромная часть бюджета. Думаю, я могу смело сказать, что у меня получилось выбить у Гильдии довольно низкие...

– Они ведь тебя, кажется, зовут на свои ежегодные пирушки?

– Ну, поскольку Университет – один из их крупнейших клиентов, нас, разумеется, приглашают на их официальные банкеты, и я, как уполномоченное лицо, вижу в этом часть своих обязанностей...

– Я слышал, там по пятнадцать блюд подают.

– ...конечно же, мы стараемся поддерживать дружеские отношения и с прочими Гиль...

– И это *не считая* орешков и кофе.

Казначей умолк. Аркканцлер умудрялся сочетать в себе непробиваемую глупость с пугающей пронизательностью.

– Проблема в том, аркканцлер, – начал казначей, – что мы всегда выступали *против* использования наборных шрифтов для магических целей, поскольку...

– Да, да, я *в курсе*, – перебил аркканцлер. – Но есть ведь и другие документы, и с каждым днем их все больше... Формы, и таблицы, и боги знают что еще. Ты же помнишь, мне всегда хотелось, чтобы мой кабинет не засоряли бумажки...

– Да, аркканцлер, поэтому вы забиваете ими шкафы и выбрасываете их из окон по ночам.

– Стол без мусора – голова без мусора, – заявил аркканцлер. Он сунул листовку в руки казначею. – Все-таки сгоняй туда и посмотри, не брехня ли все это. Только по земле, пожалуйста.

На следующий день Уильям почувствовал, что его тянет обратно в мастерскую за «Ведром». Делать ему было нечего, а он не любил ощущать себя бесполезным.

Говорят, что люди делятся на два типа. Есть те, кто при виде стакана, наполненного ровно наполовину, говорит: этот стакан наполовину полон. И есть те, кто говорит: этот стакан наполовину пуст.

Однако *принадлежит* мир тем, кто способен посмотреть на стакан и сказать: «Эй, это что за стакан такой? Простите? *Простите?* Вот *это* вот – мой стакан? Ну уж *нет*. Мой стакан был полон! И еще он был *больше!*»

А на другом конце бара мир переполнен людьми другого типа – теми, чей стакан разбит, или неосторожно опрокинут (обычно человеком, требовавшим стакан побольше), или теми, у кого стакана нет вообще, потому что они затерялись в толпе и не смогли привлечь внимание бармена.

Уильям принадлежал к тем, у кого стакана не было. И это было странно, потому что родился он в семье, которая не просто обладала огромным стаканом, но и могла себе позволить оплачивать труд людей, которые незаметно стоят сбоку с бутылками и постоянно подливают вино.

Это была сознательная бесстаканность, и началась она еще с совсем юных лет, когда Уильяма отослали в школу.

Его брат, Руперт, поскольку был старшим, отправился в анк-морпоркскую Гильдию Убийц, считавшуюся лучшей в мире школой для тех, чей стакан полон. Уильям, будучи менее важным сыном, попал в Камнесерд, школу-интернат, мрачную и суровую настолько, что лишь людям с очень большими стаканами могло взбрести в голову отправить туда сына.

Гранитное здание Камнесерда стояло на поливаемой дождями вересковой пустоши, и задачей его, как объявлялось во всеуслышание, было делать из мальчиков мужчин. Учебная программа, с помощью которой это достигалось, предполагала определенный процент потерь и состояла – по крайней мере, так помнилось Уильяму – из простых и жестоких уличных игр под укрепляющим здоровье мокрым снегом. Низкорослые, медленные, толстые и попросту непопулярные ученики отсеивались, как и положено природой, однако естественный отбор идет разными путями, так что Уильям обнаружил в себе некоторые способности к выживанию. Верный способ уцелеть на игровых полях Камнесерда заключался в том, чтобы быстро бегать, громко орать и при этом всегда оказываться на необъяснимо далеком расстоянии от мяча. В результате, как ни странно, Уильяма стали отмечать за энтузиазм, а энтузиазм в Камнесерде ценился высоко – пусть и потому, что настоящие достижения здесь были редкостью. Учительский состав Камнесерда верил, что в должном количестве энтузиазм может послужить заменой менее важным качествам вроде ума, сообразительности и навыков.

В чем Уильям *действительно* проявлял энтузиазм – так это во всем, что касалось слов. В Камнесерде им большого значения не придавалось, поскольку значительная часть его выпускников полагала, что в жизни ручки им пригодятся только для того, чтобы писать свое имя (а эта непростая задача поддавалась большинству из них после трех-четырех лет обучения), зато это означало, что долгими утренними часами он мог читать все что хотел, пока окружавшие его верзилы-форварды, которым однажды предстояло стать как минимум земельными управляющими, учились брать ручку так, чтобы ее не раздавить.

Уильям выпустился с хорошим аттестатом – так часто бывало с учениками, которых большинство учителей помнило весьма смутно. После этого перед его отцом встал вопрос, что с ним делать.

Уильям был младшим сыном, а его семья традиционно сдавала младших сыновей в какой-нибудь храм, где они не могли причинить никому никакого физического вреда. Но избыточное чтение сделало свое черное дело. Уильям обнаружил, что теперь считает молитву всего лишь переусложненным способом торговаться с грозами.

Профессия земельного управляющего была более-менее приемлемой, вот только Уильяму казалось, что земля и сама с собой в целом неплохо управляется. Он был совершенно не против сельской местности – при условии, что та находилась по другую сторону окна.

Военная карьера была маловероятна. Уильяму глубоко претило убийство тех людей, с которыми он был незнаком.

Он наслаждался чтением и письмом. Ему *нравились* слова. Слова не кричали и не шумели – а как раз этим и отличалось остальное его семейство. Слова не заставляли его валяться в грязи по невыносимой холодрыге. Слова не причиняли вреда безобидным животным. Слова делали то, что Уильям им велел. И поэтому он сказал, что хочет писать.

Его отец взорвался. В его мирке писец был всего-то на одну ступень выше учителя. Боги милостивые, да писцы даже на лошадях не ездят! И поэтому между ними состоялся Разговор.

И в итоге Уильям уехал в Анк-Морпорк, служивший традиционной пристанью для заблудших и потерянных. Там он начал тихо-мирно зарабатывать на жизнь словами и считал, что легко отделался по сравнению с братишкой Рупертом, крупным и добродушным, – из того вышел бы отличный ученик Камнесерда, вот только ему не повезло родиться первым.

А потом случилась война с Клатчем...

Это была незначительная война, которая закончилась, едва успев начаться, – такая война, после которой обе стороны притворяются, что ничего и не произошло; однако кое-что в те несколько сумбурных дней полнейшей неразберихи произошло все-таки успело, в том числе и смерть Руперта де Словва. Он погиб за свои убеждения; главнейшим среди них была чисто камнесердская вера в то, что отвага способна заменить броню и что, если очень громко кричать, клатчцы разбегутся, поджав хвосты.

Когда Уильям виделся с отцом в последний раз, тот долго вещал о гордых и благородных традициях семейства де Словв. Они в основном касались мучительных смертей – предпочтительно иностранцев, но, как понял Уильям, де Словвы почему-то считали достойным утешительным призом и собственную гибель. Де Словв всегда готов ответить на зов города. За этим они и *существуют*. Разве их фамильный девиз – не «*Le Mot Juste*»? Правильный Словв В Правильном Месте, сказал лорд де Словв. Он попросту не мог понять, почему это Уильям не желает продолжать такую славную традицию, и примирился с этим так, как свойственно подобным людям, – то есть отказался примиряться наотрез.

И теперь между двумя де Словвами царил великое ледяное молчание, по сравнению с которым зимний холод был что сауна.

В таком смурном настроении очень приятно было, войдя в печатню, обнаружить там казначея, который спорил с Доброгором о теории слов.

– Подождите, подождите, – говорил казначей. – Да, безусловно, *формально* слово состоит из отдельных буковок, но они существуют, – он изящно взмахнул своими длинными пальцами, – исключительно *в теории*, если позволите мне так выразиться. Это, так сказать, словесные *partis in potentia*, и я боюсь, что воображать, будто они *в действительности* существуют *unis et separato*, – весьма наивный взгляд на вещи. Безусловно, сама идея того, что буквы могут вести отдельное физическое существование, с философской точки зрения крайне опасна. Так же, безусловно, опасна, как если бы носы и пальцы принялись бегать по миру сами по себе...

Три «безусловно» подряд, подумал Уильям, который подмечал такие вещи. Если человек за одну короткую речь три раза говорит «безусловно» – значит, его внутренняя пружина вот-вот лопнет.

– У нас тут буквы ящиками стоят, – спокойно ответил Доброгор. – Мы можем составить какие угодно слова.

– Вот видите, в этом-то и проблема, – сказал казначей. – А если металл запомнит слова, которые напечатал? Граверы хотя бы переплавляют свои пластины, и очищающее влияние огня...

– Прошу прощения, ваша уважаемость, – перебил его Доброгор. Один из гномов осторожно постучал его по плечу и вручил кусок бумаги. Доброгор передал его казначею.

– Молодой Кезлонг подумал, что вам понравится такой сувенир, – сказал он. – Только набрал текст из кассы – и уже стянул с камня. Он парень быстрый.

Казначей попытался сурово оглядеть молодого гнома сверху донизу, хотя в случае с гномами такое запугивание никогда не срабатывало, потому что путь донизу был слишком короток.

– Правда? – сказал он. – Как интере...

Его глаза пробежались по строчкам.

И выпучились.

– Но это же... то, что я говорил... я же только что это сказал... откуда вы знали, что я... Ну, то есть это же мои слова... – пробормотал казначей, заикаясь.

– Они, разумеется, совершенно необоснованы, – сказал Доброгор.

– Подождите-ка минутку... – начал казначей.

Уильям оставил их разбираться. О чем шла речь, он понял, – даже у граверов вместо верстака был большой плоский камень. И он уже видел, как гномы снимают листы бумаги с металлических литер, так что тут тоже все было понятно. А слова казначея и впрямь были необоснованными. Металл ведь неодушевленный.

Он взглянул поверх головы гнома, который резво заполнял буквами крошечную металлическую коробочку – коротенькие пальцы сновали между отделениями большой кассы со шрифтом. Все заглавные буквы – верху, все строчные – снизу. Можно было даже понять, что он набирает, просто наблюдая за движениями рук над подносом.

– «З-а-р-а-б-а-т-ы-в-а-й-\$\$\$-в-с-в-а-б-о-д-н-о-ев-р-е...» – пробормотал Уильям.

И на него снизошло осознание. Он взглянул на замасленные бумажки, лежавшие рядом с подносом.

Они были исписаны мелким угловатым почерком, кричавшим о том, что его хозяин – прохвост, у которого ручка постоянно выскальзывает из пальцев.

На С.Р.Б.Н. Достабля даже мухи не садились. Он потребовал бы с них арендную плату.

Уильям почти машинально достал свой блокнот, облизал карандаш и, пользуясь понятными лишь ему сокращениями, записал:

*Прзтльные сцены прзили в грд в резлтте откряя пд ввскй «Ведрa»
слвпчтн г-нм Доброгором, гнмм, что взво крйный интерес срди всвзмжнх прсн
вклч влпятельных кммрснттов.*

Он помедлил. Разговор в другом конце комнаты определенно повернул в более деловое русло.

– Сколько-сколько за тысячу? – переспросил казначей.

– А оптом еще дешевле, – ответил Доброгор. – Но мелкие заказы – не проблема.

У казначея был теплый невидящий взгляд человека, который работает с числами и предвкушает, как одно из них, особенно крупное и неудобное, уменьшится в самом ближайшем будущем – а в таких обстоятельствах у философии нет никаких шансов. Что до Доброгора, то на видимой части его лица был веселый прищур, свойственный тем, кто только что сообразил, как сделать из свинца еще больше золота.

– Разумеется, такой крупный контракт требует одобрения самого аркканцлера, – сказал казначей, – но, уверяю вас, он *очень внимательно* прислушивается к моим словам.

– Не сомневаюсь, ваша светлость, – жизнерадостно отозвался Доброгор.

– Кстати, э, говоря, а у вас бывают ежегодные банкеты?

– О да. Определенно, – сказал гном.

– А когда?

– А когда вам будет удобно?

«Вртно зклчне блиг кнтркта с Неким Образовательным Учреждением в грте, – написал Уильям, а потом, поскольку был честен, добавил: – По надежным сведениям».

Что ж, дела шли неплохо. Он только утром отправил одно письмо, а у него уже есть важное сообщение для следующего...

...вот только его клиенты будут ожидать следующее только через месяц. А он сильно подозревал, что к тому времени это уже никого не заинтересует. С другой стороны, если он им об этом не сообщит, кто-то обязательно будет недоволен. В прошлом году Уильяму устроили головомойку из-за дождя из собак над улицей Паточной Шахты – а ведь его на самом деле вообще не было.

Но даже если он попросит гномов набирать текст огромным шрифтом, одного-единственного слуха все равно будет мало.

Проклятье.

Придется побегать и накопать чего-нибудь еще.

Повинуясь импульсу, Уильям догнал уходящего казначея.

– Простите, сэр, – сказал он.

Казначей, пребывавший в крайне жизнерадостном настроении, добродушно приподнял бровь.

– Хммм? – протянул он. – Вы ведь господин де Словв, да?

– Да, сэр. Я...

– Боюсь, мы в Университете и сами умеем писать, – заявил казначей.

– Я просто хотел поинтересоваться у вас, что вы думаете о новом печатном станке господина Доброгора, сэр, – сказал Уильям.

– Зачем?

– Ну... Потому что мне очень хочется знать? И еще записать это для моей новостной рассылки. Ну, сами понимаете. Мнение ведущего члена сообщества анк-морпоркских чудотворцев?

– О? – Казначей задумался. – Это для тех писем, что вы отправляете герцогине Щеботанской, и герцогу Сто Гелитскому, и всяким таким людям, да?

– Да, сэр, – ответил Уильям. Волшебники были жуткими снобами.

– Гм. Ну, тогда... можете написать, что я считаю это шагом в верном направлении, который обязательно... э-э-э... получит поддержку всех прогрессивно мыслящих людей и пинками и криками загонит наш город в Век Летучей Мыши. – Он пристально следил, как Уильям пишет. – А зовут меня доктор А.А. Динвидди, Д.М. (седьмой), д. чар., б. окк., м. кол., Б.Ф. «Динвидди» пишется через «о».

– Конечно, доктор Динвидди. Э... Только Век Летучей Мыши подходит к концу, сэр. Может, лучше будет написать, что наш город пинками и криками *выгонят* из Века Летучей Мыши?

– Разумеется.

Уильям записал его слова. Его всегда поражало, что людей постоянно нужно куда-то загонять пинками и криками. И никому почему-то не хочется, например, медленно ввести их туда за руку.

– Вы, конечно же, пришлете мне копию, когда письмо будет готово, – сказал казначей.

– Конечно, доктор Динвидди.

– И если вам что-то еще от меня понадобится – обращайтесь без колебаний.

– Спасибо, сэр. Но мне всегда казалось, сэр, что Незримый Университет выступает против использования наборного шрифта?

– О, я считаю, что настала пора с распростертыми объятиями принять восхитительные перспективы, которые сулит нам Век Летучей Мыши, – ответил казначей.

- Мы... Это тот век, который мы вот-вот оставим позади, сэр.
- Тогда нам стоит поторопиться с объятиями, не так ли?
- Хорошее замечание, сэр.
- А теперь я должен лететь, – сказал казначей. – Но не должен.

Лорд Витинари, патриций Анк-Морпорка, потыкал пером в чернильницу. В ней был лед. – Неужели у тебя и нормального камина нет? – спросил Гьюнон Чудакулли, первосвященник Слепого Ио и неофициальный представитель городских религиозных кругов. – Я, конечно, не любитель духоты, но тут же заледенеть можно!

– Прохладно, да, – отозвался лорд Витинари. – Как странно – лед светлее остальных чернил. Как по-вашему, чем это вызвано?

– Полагаю, наукой, – туманно ответил Гьюнон. Как и его брат-волшебник, аркканцлер Наверн, он не любил задаваться очевидно нелепыми вопросами. И богам, и магии требовались крепкие здравомыслящие люди, а братья Чудакулли были крепки, точно камни. И во многих отношениях столь же здравомыслящи.

- А. Впрочем, мы отвлеклись... О чем вы говорили?
- Ты должен положить этому конец, Хэвлок. Мы же пришли к... согласию. Казалось, все внимание Витинари поглотили чернила.
- Должен, ваше высокопреподобие? – тихо сказал он, не поднимая взгляда.
- Ты *знаешь*, почему мы все против этого сумасбродства с наборным шрифтом!
- Напомните мне, пожалуйста... Смотрите-ка, он всплывает и погружается...

Гьюнон вздохнул.

– Слова слишком важны, чтобы доверять их машинам. Мы не против граверов, ты это знаешь. Мы не против того, чтобы слова надежно приколачивали к странице. Но слова, которые можно разобрать и сделать из них другие... это попросту опасно. И я думал, что ты тоже против, разве нет?

– В целом да, – ответил патриций. – Но долгие годы управления этим городом, ваше высокопреподобие, научили меня тому, что к вулкану тормоза не приделаешь. Иногда лучше позволить таким вещам идти своим путем. Обычно он приводит их к смерти.

– Раньше ты не отличался такой мягкостью, Хэвлок, – сказал Гьюнон.

Патриций устремил на него холодный взгляд, продлившийся секунды на две дольше, чем его можно было комфортно выносить.

– Гибкость и понимание всегда были для меня ключевыми словами, – сказал он.

– Бог мой, неужели?

– Это так. И мне очень хотелось бы, чтобы вы, ваше высокопреподобие, а также ваш брат со свойственной вам гибкостью уяснили, что это предприятие основано гномами. Известно ли вам, где находится крупнейший город гномов?

– Что? О... погоди-ка... кажется, он где-то...

– Да, поначалу все отвечают именно так. Но на самом деле это Анк-Морпорк. На сегодняшний день здесь обитает больше пятидесяти тысяч гномов.

– Не может быть!

– Уверю вас. На данный момент у нас очень хорошие отношения с гномьими общинами Медной горы и Убервальда. Имея дело с гномами, я неизменно заботился о том, чтобы дружеская рука города была всегда устремлена наклонно вниз. А в условиях нынешнего похолода-

ния, я уверен, все мы очень довольны, что баржи с углем и ламповым маслом прибывают от гномьих рудников ежедневно. Понимаете, о чем я?

Гьюнон украдкой взглянул на камин. Как ни странно, в нем лежал один-единственный дымящийся кусочек угля.

– И, разумеется, – продолжил патриций, – становится все сложнее игнорировать этот новый способ, хм, печати, когда крупные словопечатни уже существуют в Агатовой империи и, как вам наверняка известно, в Омнии. А из Омнии, как вы, без сомнения, знаете, омнианцы в огромных количествах экспортируют свою священную Книгу Ома и свои горячо любимые буклеты.

– Бредни фанатиков, – сказал Гьюнон. – Тебе давно стоило их запретить.

И вновь взгляд продлился слишком долго.

– *Запретить религию*, ваше высокопреподобие?

– Э-э, когда я говорю «*запретить*», я имею виду...

– *Убежден*, что никто не сможет назвать меня деспотом, ваше высокопреподобие, – сурово произнес Витинари.

Гьюнон Чудакулли совершил отчаянную попытку разрядить атмосферу:

– По крайней мере, дважды, ахаха.

– Прошу прощения?

– Я сказал... по крайней мере, дважды... ахаха.

– И снова прошу прощения, но я не понимаю.

– Это была, э-э, небольшая острота, Хэв... милорд.

– О. Да. Ахаха, – сказал Витинари, и слова его увяли в воздухе. – Нет, боюсь, что омнианцы имеют полное право распространять свои благие вести об Оме. Но не падайте духом! Уж конечно, у вас найдутся какие-нибудь благие вести об Ио?

– Что? О. Да, конечно. Он в прошлом месяце чутко простыл, но уже здоров и бодр.

– Замечательно. И *вправду* благая весть. Не сомневаюсь, что эти печатники с радостью ее для вас распространят. И уверен, что они сделают все точно по вашим требованиям.

– Значит, такова ваша позиция, милорд?

– А вы думаете, у меня есть другая? – сказал лорд Витинари. – Мои мотивы, как всегда, совершенно прозрачны.

Гьюнон подумал, что «совершенно прозрачны» может значить как то, что они видны насквозь, так и то, что их не видно вообще.

Лорд Витинари просмотрел какие-то бумаги.

– *С другой стороны*, Гильдия Граверов за прошлый год поднимала расценки трижды.

– А. Понимаю, – сказал Гьюнон.

– Слова – топливо цивилизации, ваше высокопреподобие. Слова – и *есть* цивилизация. И они не должны обходиться слишком уж дорого. Мир вращается, ваше высокопреподобие, и нам следует вращаться вместе с ним. – Витинари улыбнулся. – Было время, когда народы боролись, будто огромные хрюкающие твари в болоте. Анк-Морпорк правил значительной частью этого болота, потому что у него были самые острые когти. Но сегодня место стали заняло золото, и, о боги, похоже, что анк-морпоркский доллар сделался ведущей валютой. А завтра... может быть, оружием станут простые слова. Самые многочисленные слова, самые быстрые слова, самые последние слова. Выгляните в окно. Расскажите мне, что вы видите.

– Туман, – сказал первосвященник.

Витинари вздохнул. Погода частенько отказывалась подлаживаться под нужды нарратива.

– *Если бы день был погожим*, – резко сказал он, – вы увидели бы на том берегу реки большую семафорную башню. Слова летают туда и обратно по всему континенту. Еще недавно у меня ушел бы почти месяц на то, чтобы обменяться письмами с нашим послом в Орлее.

Теперь я получаю ответ на следующий день. Некоторые вещи стали проще, но это сделало их в чем-то сложнее. Нам нужно изменить наш образ мысли. Нам нужно идти в ногу со временем. Вы слышали о клик-торговле?

– Конечно. Клики всяких проходимцев так и норовят продать мне какую-нибудь...

– Я имею в виду, что теперь можно послать сообщение по семафору в Орлею и заказать... пинту креветок, если вам их захочется. Разве это не замечательно?

– Но они же испортятся, пока их сюда везут, милорд!

– Разумеется. Это был лишь пример. А теперь представьте себе, что креветка – это сгусток информации! – сказал Витинари; глаза его сверкали.

– Вы намекаете, что креветки можно переслать по семафору? – спросил первосвященник. – Полагаю, их можно перекидывать с одного на...

– Я собирался подвести к тому, что информация *тоже* покупается и продается, – поправил его лорд Витинари. – И еще к тому, что вещи, прежде считавшиеся невозможными, сегодня совершаются с легкостью. Короли и лорды приходят и уходят, и остаются от них только статуи в пустыне, а вот парочка молодых людей, работая в мастерской, меняет весь мир.

Он подошел к столу, на котором была разложена карта мира. Это была рабочая карта, то есть такая, с которой хозяин часто сверялся. Ее покрывали заметки и отметки.

– Мы всегда высматривали захватчиков со стен, – сказал Витинари. – Всегда считали, что перемены являются извне, обычно на острие меча. А потом огляделись и обнаружили, что они исходят из голов людей, на которых мы и внимания на улице не обращаем. При определенных обстоятельствах удобнее бывает такие головы отрубить, но в последнее время их стало очень уж много.

Он указал на исписанную карту.

– Тысячу лет назад мы считали, что мир – это чаша. Пятьсот лет назад мы были уверены, что мир – это шар. Теперь мы знаем, что он плоский и круглый и плывет через космос на спине черепахи. – Витинари обернулся и снова улыбнулся первосвященнику. – Разве вам не интересно, какую форму он примет завтра?

Однако в семействе Чудакулли было не принято выпускать из рук ниточку, пока не распустишь все одеяние.

– И к тому же у них ведь такие маленькие клешни, так что они, наверное, будут цепляться...

– Кто будет цепляться?

– Креветки. Они будут цепляться за...

– Вы воспринимаете мои слова чересчур буквально, ваше высокопреподобие, – резко сказал Витинари.

– О.

– Я всего лишь хотел сказать, что, если мы не ухватим события за ворот, они возьмут нас за горло.

– Все это плохо кончится, милорд, – сказал Чудакулли. Он давно понял, что это хороший аргумент в любом споре. К тому же обычно это была правда.

Лорд Витинари вздохнул.

– Мой опыт подсказывает, что плохо кончается почти все, – сказал он. – Это в природе вещей. Мы только и можем, что уходить с песней.

Он выпрямился.

– Однако я нанесу этим гномам личный визит. – Он потянулся к колокольчику на письменном столе, замер и, улыбнувшись священнику, вместо этого взял в руки трубку из меди и кожи, лежавшую на двух медных крюках. Раструб ее был выполнен в форме дракона.

Витинари подул в нее, а потом сказал:

– Господин Стукпостук? Мою карету, пожалуйста.

– Мне кажется, – спросил Чудакулли, нервно посмотрев на новомодную говорильную трубку, – или здесь чем-то ужасно воняет?

Лорд Витинари озадаченно посмотрел на него и опустил взгляд.

Под его столом стояла корзинка. В ней лежало нечто, на первый взгляд – и уж точно на первый вдох – казавшееся дохлой собакой. Все ее четыре лапы были вытянуты вверх. Лишь время от времени тихое испускание газов говорило, что процесс жизни внутри нее еще не завершен.

– У него проблема с зубами, – сказал Витинари холодно. Песик по имени Ваффлз перевернулся и уставился на священника ненавидящим черным глазом.

– Для своих преклонных лет он еще очень бодр, – сказал Гьюнон в отчаянной попытке удержаться на внезапно ставшем отвесным склоне. – Сколько ему уже?

– Шестнадцать, – ответил патриций. – По собачьему счету это больше ста.

Ваффлз кое-как уселся и зарычал, испустив из глубин корзинки поток несвежего воздуха.

– Очень здоровый песик, – сказал Гьюнон, пытаясь не дышать. – Для своего возраста, я имею в виду. А запах – дело привычки.

– Какой запах? – спросил Витинари.

– А. Да. Конечно.

Карета лорда Витинари катилась по слякоти, направляясь к Блестящей улице, и ее пассажир, должно быть, немало удивился бы, если бы узнал, что совсем неподалеку, в подвале, прикован к стене цепью кто-то, весьма похожий на него.

Цепь была очень длинная и позволяла добраться до стола со стулом, кровати и дырки в полу.

В тот момент пленник сидел за столом. Напротив него стоял господин Штырь. Господин Тюльпан угрожающе прислонился к стене. Любому повидавшему виды человеку было бы ясно, что здесь разыгрывается спектакль «хороший стражник, плохой стражник» – странно только, что никаких стражников в подвале не было. А было лишь чрезмерное количество господина Тюльпана.

– Итак... Чарли, – сказал господин Штырь. – Что скажешь?

– А это не незаконно? – спросил тот, кого называли Чарли.

Господин Штырь развел руками.

– Что такое закон, Чарли? Просто слова на бумаге. Но ничего *неправильного* ты делать не будешь.

Чарли неуверенно кивнул.

– Но ведь десять тысяч долларов чем-нибудь правильным не заработать, – сказал он. – Уж точно не тем, чтобы сказать несколько слов.

– А вот господин Тюльпан однажды заработал даже больше денег, сказав всего несколько слов, – успокаивающе проговорил господин Штырь.

– Ага, я сказал: «Ну-ка, ять, давайте сюда все ваши бабки, а не то девчонке плохо придется», – подтвердил господин Тюльпан.

– И это было *правильно*? – поинтересовался Чарли, которому, как показалось господину Штырю, не терпелось умереть.

– В тот момент – совершенно правильно, – ответил Штырь.

– Да, но люди нечасто так деньги зарабатывают, – продолжал Чарли-самоубийца. Его взгляд постоянно переползал на чудовищную тушу господина Тюльпана, который держал в одной руке бумажный пакет, а в другой – ложку. С помощью ложки он забрасывал мелкий белый порошок себе в ноздри, в рот, а один раз – Чарли готов был поклясться – даже в ухо.

– Но ведь ты особенный человек, Чарли, – сказал господин Тюльпан. – И после этого тебе придется очень долго прятаться.

– Ага, – подтвердил господин Тюльпан, испустив облако порошка. Неожиданно запахло нафталином.

– Хорошо, но зачем тогда вы меня похитили? Я только-только начал закрывать лавочку на ночь, и вдруг – бац! А *еще* вы меня посадили на цепь.

Господин Штырь решил изменить подход. Чарли чересчур много спорил для человека, запертого в одной комнате с господином Тюльпаном, в особенности с господином Тюльпаном, одолевшим уже полпакета толченых нафталиновых шариков. Господин Штырь широко и дружелюбно улыбнулся.

– Кто старое помянет – тому глаз вон, друг мой, – сказал он. – Это просто бизнес. Нам нужны всего несколько дней твоего времени, после чего у тебя будет целое состояние, а еще – и мне кажется, Чарли, что это очень *важно*, – у тебя будет *жизнь*, чтобы его потратить.

Но Чарли демонстрировал поистине выдающуюся твердолобость.

– Но откуда вам знать, что я никому не скажу? – настаивал он.

Господин Штырь вздохнул.

– Мы тебе доверяем, Чарли.

У этого человека была одежная лавка в Псевдополисе. Мелким лавочникам ведь приходится быть умными, да? Когда нужно обсчитать покупателя так, чтобы он не заметил, они демонстрируют чудеса сообразительности. *Вот вам и физиогномика*, подумал господин Штырь. Этот парень даже при свете дня сошел бы за патриция, однако лорд Витинари, судя по тому, что о нем говорили, давно бы уже сообразил, как много неприятностей может готовить ему будущее, а вот Чарли на самом деле думал, что сумеет остаться в живых и даже обвести господина Штыря вокруг пальца. Он пытался *хитрить*! Сидел в нескольких футах от господина Тюльпана – человека, нюхавшего толченое средство от моли, – и пытался их *обдурить*. Это почти что вызывало уважение.

– Мне до пятницы надо вернуться, – сказал Чарли. – Мы ведь до пятницы справимся, да?

Сарай, который снимали гномы, в течение своей шаткой, скрипучей жизни побывал и кузней, и прачечной, и еще десятком предприятий; в последний раз в нем устроил фабрику лошадок-качалок какой-то тип, который думал, что эти игрушки ждет Большое Будущее, хотя на самом деле им суждено было остаться в Бесславном Прошлом. Одна стена здесь до сих пор была по самую жестяную крышу заставлена штабелями недоделанных лошадок, которые

господин Сыр так и не смог продать, чтобы покрыть задолженность по арендной плате. Целую полку занимали ржавеющие жестянки с краской. В банках окаменели кисти.

Печатный станок стоял посередине сарая, и над ним трудились несколько гномов. Уильям и раньше видел станки. Ими пользовались граверы. Но этот был подобен организму. На его доработку гномы тратили столько же времени, сколько и на использование. Появлялись дополнительные валики, натягивались бесконечные ремни. Станок разрастался с каждым часом.

Доброгор что-то делал рядом с большими скошенными ящиками, разделенными на десятки ячеек.

Уильям смотрел, как руки гнома порхают над маленькими отделениями со свинцовыми литерами.

– А почему для буквы «Е» отделение больше?

– Потому что она нам требуется чаще всего.

– И поэтому же она в середине ящика?

– Точно. «Е», потом «Т», потом «А»...

– А люди, наверное, ожидали бы увидеть в середине как раз «А».

– А мы туда положили «Е».

– Но у вас «Н» больше, чем «У». А ведь «У» – гласная.

– «Н» нужна чаще, чем ты думаешь.

В другом конце комнаты танцевали над такими же отделениями пальцы Кезлонга.

– Кажется, будто можно прочесть, что он набирает... – начал Уильям.

Доброгор поднял взгляд. На секунду прищурился.

– Зарабатывай... ищо... больше... денег... в... свободное... время... – прочел он. –

Похоже, нас опять навестил господин Достабль.

Уильям снова посмотрел на кассу с литерами. Да, в перьевой ручке *потенциально* заключалось все, что ты ею писал. Это он понимал. Но оно там заключалось чисто *теоретически*, а значит – *безопасно*. А эти куски тускло-серого металла выглядели угрожающе. Уильям понимал, почему они вызывали у других тревогу. Сложи нас как надо, словно говорили они, и мы станем тем, чего ты хочешь. Или даже тем, чего ты не хочешь. Из нас может получиться что угодно. А проблемы – особенно легко.

Запрет на наборный шрифт не был *по-настоящему* узаконен. Но Уильям знал, что граверам этот шрифт не нравится, потому что мир устраивает их и таким, какой он есть сейчас, спасибо огромное. А лорду Витинари, по слухам, он не нравился потому, что, когда слов слишком много, они смущают людей. А волшебникам и священникам он не нравился потому, что слова имеют большое значение.

Гравюра есть гравюра, она завершена и неповторима. Но если разобрать свинцовые буквы, из которых прежде было сложено имя бога, а потом с их помощью напечатать кулинарную книгу, как это скажется на божественной мудрости? А на пирогах? А уж если напечатать руководство по навигации тем же шрифтом, что и книгу заклинаний, – о, в *какие* края тебя заведет путешествие.

Как по заказу – потому что истории любят, когда все складывается изящно, – он услышал на улице шум подъезжающей кареты. Через несколько секунд в сарай вошел лорд Витинари, остановился, опираясь на трость, и с умеренным интересом обозрел помещение.

– Ах... лорд де Словв, – сказал он удивленно. – Я и понятия не имел, что вы участвуете в этом предприятии...

Покрасневший Уильям торопливо приблизился к правителю города.

– *Господин* де Словв, милорд.

– Ах да. Конечно же. Разумеется. – Взгляд лорда Витинари пробежался по чернильному мраку комнаты, на мгновение задержался на куче безумно лыбящихся лошадок, а потом устремился на трудящихся гномов. – Да. Разумеется. И вы здесь главный?

– Здесь никто не главный, милорд, – ответил Уильям. – Но обычно разговорами занимается господин Доброгор.

– И как же вы тогда здесь оказались?

– Э... – Уильям осекся, что, как он знал, в разговоре с патрицием никому очков не прибавляло. – Честно говоря, сэръ, здесь тепло, у меня на работе холодно, и... все это очень интересно. Да, я знаю, что это не приветствуется...

Лорд Витинари кивнул и остановил его движением руки.

– Будьте так добры, попросите господина Доброгора подойти ко мне.

Поспешно сопровождая Гуниллу к высокой фигуре патриция, Уильям попытался нашептать ему на ухо несколько советов.

– А, замечательно, – сказал патриций. – Могу ли я задать вам пару вопросов?

Доброгор кивнул.

– Во-первых, не является ли одним из руководителей данного предприятия господин Себя-Режу-Без-Ножа Достабль?

– Что? – удивился Уильям. *Этого* он не ожидал.

– Подозрительного вида тип, торгует сосисками...

– А, этот. Нет. Только гномы.

– *Ясно*. А этот сарай, случайно, не построен над пространственно-временной трещиной?

– Что? – удивился Гунилла.

Патриций вздохнул.

– Когда человек правит этим городом так же долго, как я, – сказал он, – он на собственном печальном опыте убеждается, что стоит какой-нибудь добронамеренной душе затеять новое предприятие, она всегда, словно ею руководит какое-то мистическое предвидение, выбирает для него место, где это предприятие нанесет максимальный вред ткани пространства-времени. Помните то фиаско с движущимися картинками в Голливуде несколько лет назад? А вскоре после этого случилась еще и история с Музыкой, в Которой Звучит Глас Рока, – мы в ней так до конца и не разобрались. А уж волшебники вламываются в Подземельные Измерения так часто, что хоть крутящуюся дверь устанавливай. И, полагаю, мне не нужно напоминать вам, что случилось, когда покойный господин Хонг решил открыть свой бар «Три-Веселых-Сколько-Съешь-Рыбы» на Дагонской улице во время лунного затмения. Ведь не нужно? Видите ли, господа, было бы приятно думать, что хоть где-то в этом городе хоть *кто-то* занят простым делом, которое не закончится тем, что жуткие привидения и чудовища с щупальцами опять начнут пожирать людей на улицах. И так?..

– Что? – спросил Доброгор.

– Никаких трещин мы не заметили, – ответил за него Уильям.

– А может быть, *на этом самом месте* какой-нибудь странный культ некогда проводил невыразимо ужасные церемонии, сама суть которых пропитала собой весь район и теперь только и ждет удобного момента, чтобы бесцеремонно, ха-ха, восстать и начать пожирать людей на улицах?

– Что? – спросил Гунилла. Он беспомощно посмотрел на Уильяма, который только и смог, что добавить:

– Здесь делали игрушечных лошадок.

– Правда? Мне всегда казалось, что в игрушечных лошадках есть что-то немного злое, – сказал Витинари с несколько разочарованным видом. И сразу же просветлел. Он указал на большой камень, на котором собирали шрифты.

– Ага, – сказал он. – Неосторожно извлеченный из заросших руин древнего круга мегалитов, этот камень пропитан кровью тысяч жертв, которые, я уверен, обязательно явятся сюда в поисках отмщения – уж на это можно положиться.

– Его для меня вытесал мой брат, – объяснил Гунилла. – И я не собираюсь терпеть такие разговоры, господин. Кто ты такой, что вламываешься сюда и несешь всякую дурь?

Уильям выступил вперед со скоростью, изрядно приближенной к скорости ужаса.

– Простите, могу ли я отвести господина Доброгора в сторонку и кое-что ему объяснить? – торопливо спросил он.

Приветливая и пытливая улыбка патриция даже не дрогнула.

– Какая хорошая идея, – сказал он, когда Уильям потащил гнома в уголок. – Он обязательно вас за нее поблагодарит.

Лорд Витинари оперся на трость и с благожелательным интересом стал разглядывать станок, а за спиной у него Уильям де Словв занялся разъяснением политических реалий Анк-Морпорка, особенно тех, которые влекли за собой скоропостижную кончину. Слова свои он иллюстрировал жестами.

Через полминуты Доброгор вернулся и встал перед патрицием, заложив большие пальцы за пояс.

– Я что думаю, то и говорю, – сказал он. – Всегда так делал и буду делать.

– Кстати, а что вы называете мотыгой? – спросил лорд Витинари.

– Что? У нас нет мотыг, – возмутился гном. – Мотыги – для *крестьян*. А кирку я называю киркой, потому что привык называть вещи своими именами.

– Да, я так и подумал.

– Молодой Уильям говорит, вы, мол, безжалостный деспот, который не любит печатные станки. А по-моему, вы справедливый человек, который не встанет на пути у честного гнома, который хочет заработать себе на жизнь, – я ведь прав?

И вновь улыбка лорда Витинари осталась такой же, какой была.

– Господин де Словв, можно вас на секунду?..

Патриций дружески приобнял Уильяма за плечи и мягко отвел в сторону от наблюдавших за ними гномов.

– Я только сказал, что *некоторые* зовут вас... – начал Уильям.

– Итак, сэр, – заговорил патриций, отмахнувшись, – я думаю, меня можно убедить, вопреки моему богатому опыту, что это маленькое начинание не закончится тем, что мои улицы заполонит обременительный оккультный сброд. В Анк-Морпорке такое представить сложно, но я почти готов принять эту вероятность. А еще, так уж получилось, я полагаю, что вопрос об открытии словопечатен может быть – с большой осторожностью – рассмотрен заново.

– *Правда?*

– Да. Поэтому я склонен позволить вашим друзьям и дальше следовать своей причуде.

– Только они не совсем мои... – начал Уильям.

– *Разумеется*, я должен добавить, что в случае возникновения любых проблем щупальцевидной природы ответственность понесете лично вы.

– Я? Но ведь я...

– А. Вы считаете, что я несправедлив? Безжалостно деспотичен, быть может?

– Ну, я, э...

– Помимо прочего, гномы – весьма трудолюбивая и ценная для нашего города этническая группа, – сказал патриций. – В целом я сейчас настроен избегать низкоуровневых проблем, учитывая беспокойную ситуацию в Убервальде и сложности с За-Лунем.

– А За-Лунь – это где? – спросил Уильям.

– Вот и я о том же. Кстати говоря, как дела у лорда де Словва? Знаете, вам стоило бы чаще ему писать.

Уильям промолчал.

– Я всегда считал, что размолвки в семьях – это очень грустно, – продолжил лорд Витинари. – В мире слишком много упрямого несогласия. – Он приятельски похлопал Уильяма по плечу. – Уверен, вы постараетесь, чтобы печатное дело оставалось в рамках благочестивого, благоразумного и познаваемого. Вы меня понимаете?

– Но у меня нет никакого контроля над...

– Хммм?

– Да, лорд Витинари, – сказал Уильям.

– Прекрасно. Прекрасно!

Патриций выпрямился, развернулся и широко улыбнулся гномам.

– Замечательно, – сказал он. – Подумать только. Множество крошечных буковок, сложенных воедино. Возможно, время этой идеи настало. Может быть, даже у меня порой будет находиться для вас работа.

Уильям отчаянно замахал Гунилле из-за спины патриция.

– На правительственные заказы у нас особый тариф, – пробубнил гном.

– О, мне бы и в голову не пришло платить меньше, чем другие клиенты, – заявил патриций.

– Я и не собирался брать с вас меньше, чем...

– Что ж, уверен, что все мы были очень рады вас повидать, ваше сиятельство, – жизнерадостно заявил Уильям, разворачивая патриция по направлению к выходу. – Для нас будет удовольствием выполнять ваши заказы.

– А вы *точно* уверены, что господин Достабль никак не вовлечен в это предприятие?

– Кажется, для него здесь что-то печатают, но на этом все, – заверил его Уильям.

– Поразительно. Поразительно, – проговорил лорд Витинари, садясь в карету. – Надеюсь, он здоров.

С крыши на другой стороне улицы за его отъездом наблюдали двое.

Один из них очень, *очень* тихо сказал:

– Ять!

Другой спросил:

– У тебя есть какое-то мнение, господин Тюльпан?

– И *этот* мужик правит городом?

– Да.

– Ну и где его ятские телохранители?

– А если бы мы захотели кончить его здесь и сейчас, какой был бы толк от, скажем, четырех телохранителей?

– Как от шоколадного, ять, чайника, господин Штырь.

– Вот поэтому их и нет.

– Так ведь я бы мог вырубить его отсюда ятским кирпичом!

– Полагаю, есть множество организаций, у которых есть на это свои Взгляды, господин Тюльпан. Мне рассказывали, что эта помойка процветает. А когда все хорошо, у того, кто правит, заводится много друзей. На всех них тебе кирпичей не хватило бы.

Господин Тюльпан посмотрел на удаляющуюся карету.

– Так ведь я слышал, что он, ять, ничего почти и не делает, – пожаловался он.

– Разумеется, – без запинки ответил господин Штырь. – В политике это одна из самых сложных вещей.

Господин Тюльпан и господин Штырь привносили в свое партнерство разные элементы, и прямо сейчас господин Штырь привносил в него политическую искушенность. Господин Тюльпан ее уважал, хоть и не понимал. Он удовольствовался тем, что проворчал:

– Проще, ять, было бы его убить.

– Ох, ять, если бы мы только жили в простом мире, – вздохнул господин Штырь. – Слушай, завязывал бы ты со «шмыгом», а? Эта штука – для *троллей*. Хуже «грязи». Его толченым стеклом бодяжат.

– Это химия, – угрюмо возразил господин Тюльпан.

Господин Штырь вздохнул.

– Попробуем еще раз? – спросил он. – Слушай *внимательно*. Наркотики – это химия, *но* – и, пожалуйста, блин, *прислушайся* к этой части – химия – это не только наркотики. Помнишь про карбонат кальция? За который ты пять долларов отдал?

– Я с него заторчал, – пробубнил господин Тюльпан.

– С карбоната кальция? – изумился господин Штырь. – Даже для тебя это, ну... Послушай, ты что, правда пропустил через свой нос столько мела, что если тебе кто-то голову отрежет, то шеей можно будет на школьной доске писать?

Вот в чем беда с господином Тюльпаном, подумал он, когда они начали спускаться с крыши. Она была не в том, что у него серьезная проблема с наркотиками. Он *хотел* занять проблему с наркотиками. А *была* у него проблема с тупостью, которая пробуждалась, стоило ему только увидеть что-то, продающееся в маленьких пакетиках, поэтому в результате господин Тюльпан искал райского удовольствия в муке, соли, разрыхлителе теста и бутербродах с маринованной говядиной. На улице, полной людей, незаметно толкавших «бряк», «хлюп», «треск», «носорог», «скунс», «триприход», «поплавок», «шмыг», «двойной шмыг», «отвал» и «шлак», господин Тюльпан безошибочно находил того, кто продавал порошок для карри по цене шестьсот долларов за фунт. Какая, ять, *стыдоба*.

А сейчас он экспериментировал с целым рядом рекреационных химикатов, доступных анк-морпоркским троллям, потому что в случае с троллями господин Тюльпан имел хоть какие-то шансы оказаться умнее. В теории «шлак» и «шмыг» не могли никак повлиять на человеческий мозг – разве что, быть может, растворить его. Но господин Тюльпан не сдавался. Когда-то он попробовал быть нормальным, и ему это не понравилось.

Господин Штырь снова вздохнул.

– Пойдем, – сказал он. – Покормим лопуха.

В Анк-Морпорке очень трудно следить за кем-то так, чтобы другие не следили за тобой, и даже за этими двумя осторожными наблюдателями внимательно смотрела пара глаз.

Глаза эти принадлежали маленькому песику пестрого окраса с преобладанием ржаво-серого. Время от времени он почесывался с таким звуком, будто кто-то пытался побрить металлическую щетку.

Шею его охватывала веревка. Она была привязана к другой веревке, точнее, к нескольким кускам веревки, неумело связанным между собой.

Веревку сжимал в кулаке мужчина. По крайней мере, такой вывод можно было сделать по тому, что она скрывалась в том же кармане грязного пальто, что и один из его рукавов, предположительно таивший в себе руку, теоретически заканчивавшуюся кулаком.

Пальто было необычным. Оно поднималось от мостовой почти до полей нависавшей над ним шляпы, по форме напоминавшей сахарную голову. Там, где они смыкались, проглядывал намек на седые волосы. Одна рука погрузилась в подозрительные глубины кармана и извлекла оттуда холодную сосиску.

– Эти двое следят за патрицием, – сказал песик. – Интересные дела.

– Разрази их гром, – отозвался мужчина и разломил сосиску на две демократичные половинки.

Уильям написал небольшой абзац о том, как Патриций Посетил «Ведро», и перелистал свой блокнот.

Просто потрясающе. Он всего за день нашел не меньше дюжины тем для своих новостных писем. Поразительно, что могут рассказать люди, если только у них спросить.

Кто-то украл золотой клык со статуи Бога-крокодила Оффлера; за рассказ об этом Уильям пообещал купить сержанту Колону выпивку, но уже частично оплатил ему тем, что закончил абзац об этом случае фразой «Стража Неустанно Разыскивает Злоумышленника и Уверена в его Скорой Поимке».

Он не был до конца в этом убежден, но сержант Колон, произнося эти слова, выглядел очень искренне.

Природа правды беспокоила Уильяма всю жизнь. Его учили всегда говорить только ее, или, точнее, всегда и во всем признаваться, а некоторые привычки трудно переломить, если в тебя их усердно вколачивали. А лорд де Словв придерживался старой поговорки, гласившей: «Как саженец нагнешь, так дерево и вырастет». Уильям оказался не слишком гибким саженцем. А лорд де Словв сам по себе не был жестоким человеком. Зато он таких людей нанимал. Насколько Уильям помнил, лорд де Словв вообще был не большой охотник до всего, для чего нужно прикасаться к людям.

Так или иначе, Уильям всю жизнь уверял себя в том, что выдумывать он не умеет; все, что не было правдой, всегда разваливалось у него в руках. Даже ложь во спасение – например, «Под конец недели деньги у меня обязательно будут», – кончалась для него бедой. Это называлось «сочинять» и в глазах де Словвов было грехом хуже самой лжи: это была попытка сделать ложь интересной.

Поэтому Уильям де Словв всегда говорил правду – в качестве самообороны от космоса. Даже горькая правда для него была не горше сладкой лжи.

В «Залатанном барабане» случилась славная драка. Уильям был очень доволен тем, что у него вышло: *«После чего Брезок-варвар поднял стол и обрушил его на Мольтина-карманника, который, в свою очередь, ухватился за Канделябр, каковым и нанес удар, сопроводив его возгласом: «Получи, У*лю*ок несчастный!!!», за чем последовала общая потасовка, пострадали в которой то ли пятеро, то ли шестеро».*

Все свои записи он отнес в «Ведро».

Гунилла прочитал их с интересом; у гномов ушло совсем немного времени, чтобы все это набрать.

И вот что странно...

...в набранном виде, когда все буквы были такими ровными и аккуратными...

...слова казались более *настоящими*.

Боддони, который, похоже, был вторым по старшинству в печатне, прищурился на столбцы текста из-за плеча Доброгора.

– Хмм, – протянул он.

– Что скажете? – спросил Уильям.

– Выглядит... серовато, – ответил гном. – Все буквы в кучу. Похоже на книжку.

– Ну так это хорошо, разве нет? – удивился Уильям. С его точки зрения, то, что напоминало книгу, плохим быть не могло.

– Может, их как-то разделить? – спросил Гунилла.

Уильям уставился на отпечатанную страницу. К нему в голову закралась идея. Она словно поднялась с самого листа.

– А что, если, – сказал он, – нам поставить над каждой новостью небольшой заголовок?

Он схватил обрывок бумаги и вывел на нем: «5–6 Человек Ранено во время Драки в Таверне».

Боддони прочитал это с серьезным видом.

– Да, – сказал он наконец. – Выглядит... подходяще.

Он пустил бумажку вокруг стола.

– Как ты зовешь этот новостной листок? – спросил он.

– Никак, – ответил Уильям.

– Но как-то его назвать надо, – сказал Боддони. – Что ты обычно пишешь сверху?

– Обычно что-то вроде «Уважаемому лорду такому-то...»

Боддони покачал головой.

– Не пойдет, – сказал он. – Нужно что-то более общее. Более *броское*.

– Может, «Анк-Морпоркская Справка»? – предложил Уильям. – Простите, я по названиям не мастер.

Гунилла достал из фартука свою маленькую коробочку и набрал буквы из лотка на верстаке. Он составил из них слова, смазал чернилами и прижал сверху лист бумаги.

На листе Уильям прочитал: «Анк-Морпоркская Справка».

– Ошибся чуток. Это все невнимательность, – пробормотал Гунилла, потянувшись за другими буквами. Уильям остановил его.

– Не знаю, – сказал он. – Гм. Оставьте как есть... только «с» уберите, а «п» сделайте заглавной.

– Вот и хорошо, – сказал Гунилла. – Все готово. Ну что, парень? Сколько тебе надо копий?

– Э... двадцать? Тридцать?

– А как насчет пары сотен? – Гунилла кивнул в сторону гномов, принявшихся за работу. – Зачем станок зря по мелочи гонять?

– Да вы что! В городе не наберется столько жителей, готовых заплатить пять долларов!

– Ну так и проси с них по полдоллара. Сам заработаешь пятьдесят и столько же отдашь нам.

– Боги! Правда? – Уильям уставился на сияющего гнома. – Но мне же придется их еще и продавать, – сказал он. – Это же не горячие пирожки. Их не станут...

Он шмыгнул носом. Глаза у него заслезились.

– Ой-ой, – сказал он. – К нам идет очередной гость. Мне знаком этот запах.

– Какой запах? – удивился гном.

Дверь со скрипом отворилась.

Вот что нужно знать о Запахе Старикашки Рона – вони столь мощной, что она обрела собственный характер и полностью оправдывала заглавную букву: после первого потрясения органы обоняния сразу сдавались и отключались, словно так же неспособны были познать это явление, как устрица не способна познать океан. В его присутствии уже через несколько минут у людей из ушей начинала вытекать сера, а волосы выплетали.

Запах развился до такой степени, что вел теперь почти независимую жизнь и частенько сам по себе ходил в театр или читал небольшие поэтические томики. Он был *выше классом*, чем его хозяин.

Руки Старикашка Рон убрал в карманы, однако из одного выползала веревка, точнее, несколько веревок, связанных в одну. Она охватывала шею маленького сероватого песика. Возможно, это был терьер. Он прихрамывал и в целом передвигался как-то скрытно, как будто пытался незаметно просочиться сквозь окружающий мир. Это была походка пса, который

давно уяснил, что в этой жизни в твою сторону скорее полетит ботинок, чем вкусная косточка. Это была походка пса, в любой момент готового броситься наутек.

Песик устремил на Уильяма окаймленные коркой глаза и сказал:

– Гав.

Уильям почувствовал, что должен выступить в защиту человечества.

– Прошу прощения за запах, – сказал он. Потом посмотрел на песика.

– Да о каком запахе ты говоришь? – спросил Гунилла. Заклепки на его шлеме начинали окисляться.

– Он, э, принадлежит господину... э... Рону, – сказал Уильям, все еще подозрительно глядя на пса. – Говорят, это железы виноваты.

Он был уверен, что уже видел этого пса. Всегда почему-то краем глаза – хромающим по улице или просто сидящим на углу, глядя, как мир проходит мимо.

– И что ему нужно? – спросил Гунилла. – Может, он хочет, чтобы мы что-нибудь напечатали?

– Сомневаюсь, – ответил Уильям. – Он что-то вроде попрошайки. Только из Гильдии Попрошаек его выгнали.

– Он ничего не говорит.

– Ну, обычно он просто стоит на месте и ждет, пока ему что-нибудь дадут, чтобы он ушел. Э... вы слышали о таких приветственных визитах, когда всякие соседи и торговцы навещают тех, кто только что переехал?

– Да.

– Так вот, это их темный вариант.

Старикашка Рон кивнул и протянул руку.

– Так-то, господин Угорь. Ты мне тут не ля-ля, остолопыш, *говорил* я им, я при лордах молчок, разрази их гром. Десница тысячелетия и моллюск. Чтоб его.

– Гав.

Уильям снова уставился на пса.

– Тяв, – добавил тот.

Гунилла почесал что-то в глубине своей бороды.

– Насколько я успел заметить, – сказал он, – в этом городе люди готовы купить на улице что угодно.

Он взял пачку новостных листков, все еще влажных после станка.

– Ты меня понимаешь, господин? – спросил он.

– Разрази меня гром.

Гунилла пихнул Уильяма локтем под ребро.

– Как думаешь, это значит «да» или «нет»?

– Наверное, «да».

– Отлично. Значит, слушай, что я скажу: если будешь продавать вот эти штуки по, скажем, двадцать пенсов – сможешь оставить себе...

– Эй, нельзя же продавать их *настолько* дешево, – сказал Уильям.

– Почему это?

– Почему? Потому что... потому что... потому что тогда кто угодно сможет их прочесть, вот почему?

– Ну и хорошо – это значит, что кто угодно сможет заплатить за них двадцать пенсов, – спокойно ответил Гунилла. – Бедняков больше, чем богачей, а деньги они отдают охотнее.

Он скорчил гримасу, разглядывая Старикашку Рона.

– Может, это и странный вопрос, – начал он, – но у тебя друзей, случайно, нет?

– Говорил я им! *Говорил!* Разрази их гром!

– Кажется, есть, – сообщил Уильям. – Он часто ходит с компанией... э... бедолаг, которые живут под мостом. Ну, не совсем ходит. Скорее ковыляет.

– Так вот, – продолжил Гунилла, размахивая перед Роном экземпляром «Правды», – можешь передать им, что, если они будут продавать эти листки по двадцать пенсов за штуку, я разрешу вам оставить себе с каждого листка по блестящему звонкому пенни.

– Да ладно? А ты можешь засунуть свой блестящий звонкий пенни туда, где солнце не светит, – сказал Рон.

– Ах вот как, значит... – начал Гунилла.

Уильям положил ладонь ему на плечо.

– Подожди-ка минутку... Что ты сказал, Рон? – спросил он.

– Разрази меня гром, – ответил Старикашка Рон.

Фраза была сказана голосом, похожим на голос Рона, и, казалось, произошла примерно из того места, где находилось его лицо, вот только подобной связности от него обычно было не добиться.

– Ты хочешь больше, чем пенни? – осторожно спросил Уильям.

– Не меньше пяти пенсов за штуку, – ответил Рон. Вроде как.

Что-то привлекло внимание Уильяма к серой дворняге. Та дружелюбно посмотрела на него и сказала:

– Гав?

Уильям снова поднял глаза.

– Ты в порядке, Старикашка Рон? – спросил он.

– Гутылка фива, гутылка фива, – загадочно произнес Рон.

– Ладно... два пенса, – уступил Гунилла.

– Четыре, – словно бы ответил Рон. – Но давай-ка не будем заикливаться на мелочах.

По доллару за тридцать штук?

– Заметано, – сказал Доброгор, плюнул на ладонь и протянул бы ее, чтобы закрепить договор, если бы Уильям не успел в нее вцепиться.

– Не надо.

– Почему это?

Уильям вздохнул.

– Вы какими-нибудь жуткими обезображивающими болезнями страдаете?

– Нет!

– А *хотите* парочку?

– О.

Гунилла опустил руку.

– Передай своим приятелям, чтобы скорее шли сюда, ладно? – сказал он. Потом повернулся к Уильяму: – Им ведь можно доверять?

– Ну... *по большей части*, – сказал Уильям. – Но растворители для краски без присмотра лучше не оставляйте.

Старикашка Рон и его пес брели по улице. И, как ни странно, беседовали, хотя формально разумен из них был только один.

– Видишь? А я тебе *говорил*. Оставь разговоры мне, хорошо?

– Разрази меня гром.

– Вот именно. Держись меня, и все будет как надо.

– Разрази меня гром.

– Правда? Ну, это лучше, чем ничего. Гав, гав.

Под мостом Призрения жили двенадцать человек, и жили роскошно, чего нетрудно достичь, когда «роскошью» ты считаешь возможность раз в сутки что-нибудь пожевать, а *особенно* когда определение понятия «что-нибудь пожевать» у тебя очень широкое. Формально они были попрошайками, но попрошайничать им приходилось редко. Наверное, их можно было назвать ворами, хотя без спроса они брали только то, что уже было выброшено – обычно людьми, спешившими оказаться подальше от их компании.

Сторонние наблюдатели считали, что вожаком у них был Генри-Гроб, который мог бы стать чемпионом города по харканию, если бы еще хоть кто-то жаждал завоевать этот титул. Однако среди нищих царил истинная демократия людей, лишенных права голоса. Был в компании еще и Арнольд Косой, чья нехватка ног только давала ему преимущество в любой барной драке, потому что человек с крепкими зубами на уровне чужой промежности диктует всем остальным свои условия. А Человек-Утка, если бы у него на голове не жила утка, чье присутствие он упорно отрицал, казался бы столь же культурным, образованным и здравомыслящим, как и все окружающие. К сожалению, в число окружающих входил Старикашка Рон.

А другие восемь нищих звались Ватагой Эндрюсом.

Ватага Эндрюс был одним человеком, у которого был далеко не один разум. В состоянии покоя, когда перед ним не стояло никаких трудностей, это почти никак не проявлялось, только лицо его чуть подергивалось, поочередно оказываясь под контролем Джосси, Госпожи Гермiony, Малыша Сидни, Господина Виддла, Кудряша, Судьи и Медника; был еще и восьмой, Душитель, но, разок пообщавшись с ним, второй встречи нищие не желали, и поэтому остальные семь личностей держали его под спудом. Ни один из обитателей тела не отзывался на имя Эндрюс. По мнению Человека-Утки, который из всей шайки единственный умел мыслить более-менее прямо, Эндрюс, скорее всего, был невинным и гостеприимным человеком с зачатками способностей медиума, которого просто задавили числом души-колонизаторы.

Только среди незлобивых нищих, обитавших под мостом, такой человек-консенсус, как Эндрюс, мог встретить радушный прием. Бродяги приняли его в братство, собравшееся вокруг чадающего костра. Даже тот, кто не умел оставаться одним и тем же человеком дольше пяти минут, мог вписаться в их компанию.

Нищих объединяла и еще одна вещь – хотя Ватагу Эндрюса, наверное, не могло объединить ничто – готовность поверить в то, что собака может говорить. Собравшиеся вокруг дымного костра были убеждены, что разговаривать умеет много кто – стены, например. Если сравнивать со стенами, для собаки это было вообще плевым делом. К тому же нищие уважали Гаспода за то, что он был умнее их всех и никогда не пил того, что разъедало банку.

– Давайте повторим сначала, хорошо? – спросил он. – Если продадите тридцать этих штук, получите доллар. Целый доллар. Уяснили?

– Разрази меня гром.

– Кря.

– Кхарrrrrгххх... тьфу!

– А в старых башмаках это сколько будет?

Гаспод вздохнул.

– Нет, Арнольд. На эти деньги ты можешь купить столько старых...

Ватага Эндрюс зарокотал, и остальные нищие притихли. Когда Эндрюс надолго замолчал, невозможно было понять, кто он сейчас.

Всегда оставалась вероятность, что это Душитель.

– Могу я задать вопрос? – спросил Ватага Эндрюс довольно хриплым сопрано.

Все расслабились. Похоже, это была Госпожа Гермiona. Она проблем не создавала.

– Да... ваша светлость? – сказал Гаспод.

– Это же не будет считаться... работой, правда?

Одно это слово опрокинуло всех остальных в пучину тревоги и ошеломленной паники.

– Хаааарк... тьфу!

– Разрази меня гром!

– Кряк!

– Нет-нет-нет, – поспешно заверил Гаспод. – Какая же это работа? Раздавать листки и собирать деньги? По-моему, на работу *совсем* не похоже.

– Я работать не стану! – выкрикнул Генри-Гроб. – Я социально неприспособлен к какому угодно труду!

– Мы *не работаем*, – заявил Косой Арнольд. – Мы – господа пы-разд-ные.

– Кхм, – напомнила о себе Госпожа Гермiona.

– Мы – господа и *дамы* пы-разд-ные, – галантно поправился Арнольд.

– Зима выдалась суровая. Лишние деньги нам не помешают, – заметил Человек-Утка.

– Да зачем они нам? – удивился Арнольд.

– На доллар в день мы сможем жить как короли, Арнольд.

– Это в смысле нам всем головы поотрубают?

– Нет, я...

– Или кто-нибудь залезет в нужник с раскаленной кочергой и...

– Нет, я имею в...

– Или нас утопят в бочке с вином?

– Нет, Арнольд, я сказал «жить как короли», а не «умереть».

– Не думаю, что найдется такая большая бочка с вином, чтобы вы не смогли пропить себе из нее путь на волю, – пробормотал Гаспод. – Ну так что, хозяйева? О, и хозяйка, конечно. Мне... точнее, *Рону* передать тому парню, что мы согласны?

– Разумеется.

– Ладно.

– Гхаррррк... тьфу!

– Разрази нас гром!

Все посмотрели на Ватагу Эндрюса. Его губы дрожали, на лице сменялись выражения. Наконец он поднял пять демократических пальцев.

– Принято решением большинства, – объявил Гаспод.

Господин Штырь зажег сигару. Курение было единственным его пороком. По крайней мере, господин Штырь считал его единственным своим пороком. Все остальное было частью профессии.

Господин Тюльпан обладал столь же безграничным количеством пороков, но сам признавал таковым лишь дешевый лосьон после бритья – должен же, в конце концов, человек пить *хоть что-то*. Наркотики были не в счет, потому что настоящие ему достались только однажды, когда они с господином Штырем ограбили коновала и господин Тюльпан проглотил пару больших пилюль, от которых все вены на его теле раздулись и стали похожи на фиолетовые шланги.

Эти двое не были бандитами. По крайней мере, не воспринимали себя таковыми. И ворами они тоже не были. По крайней мере, никогда себя ими не считали. Как и наемными убийцами. Наемные убийцы были снобами и подчинялись правилам. Штыря и Тюльпана – Новую Контору, как любил их именовать господин Штырь, – никакие правила не сковывали.

Они думали о себе как о *посредниках*. Они были теми, кто добивался результата, теми, кто многого достигал.

Стоит добавить, что там, где говорится «они думали», следует читать «господин Штырь думал». Господин Тюльпан частенько пускал в дело свою *голову* – обычно с расстояния примерно восемь дюймов, – но, как правило (если дело не касалось пары неожиданных областей), не склонен был работать мозгом. Обычно он уступал право заниматься многосложными раздумьями господину Штырю.

Господин Штырь, в свою очередь, был не слишком хорош в продолжительном бездумном насилии и уважал господина Тюльпана за то, что тот обладал поистине бездонным его запасом. Когда они познакомились и разглядели друг в друге те качества, которые впоследствии сделали их партнерство чем-то большим, чем сумма его составляющих, господин Штырь понял, что господин Тюльпан не был, как это казалось всем остальным, всего лишь очередным психом. Порой негативные черты характера, развиваясь, достигают идеала, который меняет саму их природу, и господин Тюльпан превратил злость в искусство.

Это была не злость на что-то конкретное. Это была чистейшая, платоническая ярость, рождавшаяся где-то в рептильных безднах души, источник бесконечной раскаленной ненависти; господин Тюльпан всю свою жизнь проводил на тонкой грани, которую большинство людей пересекают незадолго до того, как сорваться и забить кого-нибудь до смерти гаечным ключом. Злость была для него естественным состоянием. Штырь порой гадал, что случилось с тем человеком, который так его обозлил, однако для Тюльпана прошлое было чужой страной с очень, очень хорошо обороняемыми границами. Порой господин Штырь слышал, как он кричит во сне.

Нанять господ Тюльпана и Штыря было непросто. Требовалось знать правильных людей. Точнее, требовалось знать *неправильных* людей, а узнавать их следовало, околавываясь в определенного рода барах так, чтобы остаться в живых, – это было своего рода первое испытание. Неправильные люди, разумеется, не знали господ Тюльпана и Штыря. Но они знали еще кое-кого. А этот кое-кто мог в самых общих выражениях осторожно намекнуть, что он, вероятно, некогда знал, как связаться с людьми штыреподобного и тюльпановидного рода. Но на данный момент ничего больше не припоминает ввиду амнезии, вызванной недостатком денежных средств. А исцелившись, он столь же общими словами направлял вас в другое место, где, в темном уголке, вас встречал человек, который уверенно заявлял, что никакого Тюльпана, а *тем более* Штыря он не знает. После чего спрашивал, где вы будете, скажем, сегодня в девять вечера.

И лишь потом вы встречались с господином Тюльпаном и господином Штырем. И они понимали, что у вас есть деньги, понимали, что вы что-то замыслили, а если вы оказывались особенно глупы, они узнавали еще и ваш адрес.

Поэтому для Новой Конторы стало сюрпризом, что очередной клиент пришел напрямую к ним. Это было тревожным симптомом. Еще более тревожным симптомом оказалось то, что клиент был мертв. Обычно Новая Контора против трупов не возражала, но ей не нравилось, когда они разговаривали.

Господин Кривс закашлялся. Господин Тюльпан заметил, что при этом у него изо рта вылетело облачко пыли. Как-никак господин Кривс был зомби.

– Вынужден повторить, – сказал господин Кривс, – что я в этом деле всего лишь посредник...

– Ну точно как мы, – вклинился господин Тюльпан.

По глазам господина Кривса читалось, что он никогда, ни за что не станет точно таким же, как господин Тюльпан, однако *сказал* он совсем иное:

– Вот именно. Мои клиенты пожелали, чтобы я нашел для них... специалистов. Я нашел вас. Я передал вам конверт с инструкциями. Мы заключили контракт. И, как я понимаю, в рамках этого контракта вы совершили некоторые... приготовления. Я не знаю, что это за приготовления. И я *продолжу* не знать, что это за приготовления. Мы с вами, как говорится, держимся на расстоянии вытянутой руки. Вы меня понимаете?

– Какой еще, ять, руки? – спросил господин Тюльпан. В присутствии мертвого адвоката он начинал нервничать.

– Мы видимся, лишь когда это необходимо, и не говорим лишнего.

– Ненавижу ятских зомби, – сообщил господин Тюльпан. Тем утром он опробовал на себе что-то, найденное в коробке под умывальником. Если этим чистят трубы, заключил он, значит, это *химия*. И теперь его толстый кишечник посылал ему странные сигналы.

– Не сомневаюсь, что эти чувства взаимны, – ответил господин Кривс.

– Я понимаю, что вы имеете в виду, – сказал господин Штырь. – Вы имеете в виду, что если что-то пойдет не так, то вы нас ни разу в жизни не видели.

– Кхм, – откашлялся господин Кривс.

– И после смерти тоже, – поправился господин Штырь. – Хорошо. А как насчет денег?

– Как вы и просили, тридцать тысяч долларов на особые расходы будут добавлены к уже оговоренной сумме.

– Драгоценностями. Не наличкой.

– Разумеется. И уж тем более мои клиенты не станут выписывать вам чеков. Все будет доставлено сегодня вечером. И, полагаю, мне стоит упомянуть еще кое о чем. – Сухие пальцы господина Кривса пошелестели сухой бумагой в сухом портфеле, и он вручил господину Штырю папку.

Господин Штырь прочитал, что на ней написано. И быстро перелистнул несколько страниц.

– Можете показать это своей обезьянке, – сказал господин Кривс.

Господин Штырь едва успел перехватить руку господина Тюльпана, прежде чем тот дотянулся до головы зомби. Господин Кривс даже не дрогнул.

– Он о нас все знает, господин Тюльпан!

– И? Я все равно могу оторвать его ятскую пришитую голову!

– Нет, не можете, – сообщил господин Кривс. – Ваш коллега объяснит вам почему.

– Потому что наш друг-законник сделал кучу копий, не так ли, господин Кривс? И, наверное, спрятал их в самых неожиданных местах на случай, если ум... на случай...

– Форс-мажорных обстоятельств, – спокойно закончил господин Кривс. – Все верно. У вас пока что была крайне интересная карьера, господа. Вы еще молоды. Благодаря вашим талантам вы одолели долгий путь за короткое время и заработали изрядную репутацию как мастера своего дела. И хотя, разумеется, я не имею представления о том, какое вам поручено задание, – повторюсь, ни малейшего представления, – я не сомневаюсь, что вы нас всех порадуете.

– Он что, и про работенку в Щеботане знает? – спросил господин Тюльпан.

– Знает, – подтвердил господин Штырь.

– А про того ятского банкира, проволочную сетку и крабов?

– Знает.

– А про щенков и того мальчишку?

– Теперь знает, – сказал господин Штырь. – Он знает почти все. Очень умно. Думаете, что знаете, где собака зарыта, господин Кривс?

– Я с ней даже пообщался, – заверил его господин Кривс. – Однако, судя по всему, вы ни разу не совершали преступлений в Анк-Морпорке, иначе, *само собой*, я не стал бы с вами разговаривать.

– Это кто, ять, тебе сказал, что мы ни разу не совершали преступлений в Анк-Морпорке? – оскорбленно спросил господин Тюльпан.

– Как я понимаю, в этом городе вы раньше не бывали.

– И что? Да у нас, ять, целый день был!

– Вас за этим застали? – спросил господин Кривс.

– Нет!

– Значит, преступления вы не совершили. Могу я выразить надежду, что ваши дела в Анк-Морпорке не имеют никакого отношения к преступной деятельности?

– Не извольте беспокоиться, – заверил его господин Штырь.

– Местная городская Стража в некоторых случаях бывает весьма упряма. А различные Гильдии ревностно охраняют свои профессиональные территории.

– Мы с большим уважением относимся к Страже, – сказал господин Штырь. – И к той замечательной работе, которую они делают.

– Да мы, ять, *обожжаем* стражников, – подтвердил господин Тюльпан.

– Если бы их вывешивали на доску почета, мы обязательно остановились бы посмотреть, – продолжил господин Штырь.

– Особенно если бы их вывешивали за шею или за ноги, – заключил господин Тюльпан. – Потому что мы большие ценители прекрасного.

– Я просто хотел убедиться, что мы друг друга понимаем, – сказал господин Кривс, защелкивая портфель. Он поднялся, кивнул им и чопорно покинул комнату.

– Ну и... – начал господин Тюльпан, но господин Штырь приложил к губам палец. Он тихо подошел к двери и открыл ее. Адвоката не было.

– Он же, ять, *знает*, зачем мы здесь, – горячо прошептал господин Тюльпан. – И зачем он, ять, комедию ломает?

– Затем, что он адвокат, – ответил господин Штырь. – Хорошее местечко, – добавил он чересчур громким голосом.

Господин Тюльпан огляделся.

– Не, – бросил он презрительно. – Я сначала тоже так подумал, но это же просто копия ятского барочного стиля, поздний восемнадцатый век. Все пропорции перевернули. А колонны на входе видал? Видал? Колонны, ять, под Эфеб шестого века, а капитель у них – под Вторую, ять, Империю Джелибейби! Не знаю, как я не заржал.

– Да, – сказал господин Штырь. – Как мне уже случалось замечать, ты, господин Тюльпан, полон сюрпризов.

Господин Тюльпан подошел к занавешенной картине и сдвинул ткань.

– Ох, ять, да это ж Леонард, ять, Щеботанский! – воскликнул он. – Я копию видел. «Дама с хорьком». Он ее написал, когда переехал из Орлеи, под влиянием ятского Каравати. Ты посмотри, ять, какие мазки, а? Видишь, как линия руки притягивает, ять, взор к портрету? А посмотри, какая светопись на пейзаже за ятским окном. Видишь, как нос хорька следует за тобой по комнате? Вот, ять, что значит настоящий гений! Сказать честно, я бы, ять, *разревелся*, будь я здесь один.

– Очень миленько.

– *Миленко?* – переспросил господин Тюльпан в отчаянии от безвкусыя коллеги. Он подошел к стоявшей у входа скульптуре и воззрился на нее, а потом нежно провел пальцами по мрамору.

– Так я и *думкал!* Скольпини, ять! На что угодно спорю. Но я такую в каталогах не видал. И они ее бросили в пустом доме, куда любой может просто войти, ять, и вынести ее!

– Этот дом – под могущественной защитой. Ты же видел печати на двери.

– Гильдии? Кучка ятских *дилетантов*. Да мы с тобой прошли бы через этот дом, как раскаленный нож, ять, через тонкий лед, сам же понимаешь. Одни сплошные дилетанты, камешки, украшения для лужаек и ходячие трупы... Да мы весь ятский город *за глотку* взять можем.

Господин Штырь ничего не ответил. Он тоже размышлял на эту тему, однако у него, в отличие от коллеги, действия не всегда автоматически следовали за тем, что сходило за мысли.

Контора и правда раньше не работала в Анк-Морпорке. Господин Штырь избегал его, потому... ну, потому что других городов было завались, а инстинкт выживания подсказывал ему, что Большому Койхрену² стоит подождать. С тех пор как он повстречал господина Тюльпана и понял, что его собственная изобретательность в сочетании с безграничной злостью напарника обещают им успешную карьеру, у него зародился План. Господин Штырь развивал их общий бизнес в Орлее, Псевдополисе, Щеботане – в этих городах было проще лавировать, потому что они были меньше Анк-Морпорка, хотя в последнее время все сильнее его напоминали.

У них так хорошо все получалось, осознал господин Штырь, потому что рано или поздно народ размякает. Вот, например, тролля Брекчия. Как только маршруты поставки «шмыга» и «грязи» пролегли до самого Убервальда, а все кланы-конкуренты были истреблены, тролли размякли. Их *тонны* стали вести себя как светские лорды. И так было везде – большие старые банды и семьи достигали какого-никакого равновесия с обществом и становились особого рода бизнесменами. Они разгоняли приспешников и нанимали дворецких. А потом, когда возникали трудности, им требовались мышцы с мозгами... а Новая Контора готова была предоставить и то и другое.

Она этого ждала.

Однажды, думал господин Штырь, придет время нового поколения. Поколения с новым подходом, поколения, не скованного традициями. Поколения людей, заставляющих события свершаться. Господин Тюльпан, например, свершался на регулярной основе.

– Эй, ять, посмотри-ка на это, – сказал свершающийся Тюльпан, обнаружив еще одну картину. – Подпись Гогли стоит, а на самом деле ятская подделка. Видишь, как вот здесь свет падает? А листья на этом дереве? Если это писал ятский Гогли, то, наверное, ятской *ногой*. А скорее какой-нибудь ятский подмастерье...

Пока они убивали время в городе, господину Штырю пришлось пройтись вместе с господином Тюльпаном, оставлявшим за собой след из чистящего порошка и глистогонных таблеток для собак, по целому ряду городских художественных галерей. Господин Тюльпан на этом настаивал. Это был познавательный опыт – в первую очередь для кураторов.

У господина Тюльпана было *инстинктивное понимание* искусства, чего ему так не хватало в случае с химией. Его, чихающего сахарной пудрой и плюющего порошком от потливости ног, проводили в частные галереи, где он скользил налитым кровью взглядом по нервно протянутым подносам с миниатюрами из слоновой кости.

Господин Штырь в немом уважении наблюдал, как его коллега произносит цветистые и пространственные речи о разнице между старыми подделками – из кости – и изготовленными этим

---

² Редчайший и зловоннейший овощ Плоского мира, благодаря этим качествам весьма ценный гурманами (которые редко ценят что-то обычное и дешевое). Также прозвище Анк-Морпорка, хотя настолько плохо овощ не пахнет.

ятским новым методом, который выдумали ятские гномы, – из рафинированного масла, мела и ятского Духа Натрийхлора.

Он, шатаясь, подходил к гобеленам, долго рассуждал о высокой и низкой плотности, обливался слезами при виде буколической сцены, а потом доказывал, что гордости галереи – столатской шпалере тринадцатого века – никак не может быть больше сотни лет, потому что – видите вот это ятское сиреневое пятнышко? Не было, ять, тогда таких красителей. «Так... а это еще что? Агатский горшок для бальзамирования времен династии ПГГи Сю? Да вас, господин хороший, *облапошили*. Это не лак, а *фигня* какая-то».

Зрелище было поразительным и настолько зачаровало господина Штыря, что тот даже позабыл упрятать в карман пару дорогих безделушек. Хотя и знал про отношение Тюльпана к искусству. Когда им приходилось сжигать чей-то дом, господин Тюльпан для начала всегда выносил оттуда все по-настоящему уникальные произведения, пусть даже для этого приходилось потратить лишнее время на то, чтобы привязать хозяев дома к кроватям. Где-то под этими самонанесенными шрамами, в сердце этой клокочущей ярости, крылась душа истинного ценителя искусства, умевшего безошибочно видеть красоту. Так странно было найти эту душу в теле человека, вдыхавшего дорожки из соли для ванн.

Большие двери в другом конце комнаты распахнулись, открывая проход в темное помещение.

– Господин Тюльпан? – позвал господин Штырь.

Тюльпан прервал тщательное изучение столика – предположительно работы Топаси – с великолепной инкрустацией из десятков, ять, редчайших древесных пород.

– Чего?

– Настало время снова встретиться с заказчиками, – сказал господин Штырь.

Уильям уже готов был навсегда покинуть свой рабочий кабинет, когда кто-то постучался. Он начал осторожно открывать дверь, но кто-то распахнул ее настежь.

– Вы абсолютно, абсолютно... неблагодарный человек!

Неприятно слышать такое в свой адрес, особенно из уст юной девушки. Простое слово «неблагодарный» она произнесла таким тоном, каким господин Тюльпан говорил что-нибудь вроде «ятский».

Уильям уже встречал Сахариссу Резник, обычно когда она помогала своему дедушке в его крошечной мастерской. Он почти никогда не обращал на нее внимания. Она не была особенно привлекательной, но и особенно страшенькой тоже не была. А была она просто девушкой в фартуке, которая все время изящно двигалась на заднем плане, занимаясь то уборкой, то составлением букетов. До сих пор Уильям успел понять о ней только одно: она страдала от излишней учтивости и ошибочно считала, что этикет и воспитанность – это одно и то же. Она путала манерность и манеры.

Теперь Уильям видел ее гораздо четче – в основном потому, что Сахарисса приближалась к нему, – и с легким головокружением, обычным для людей, убежденных, что они сейчас умрут, осознал, что она довольно красива *с точки зрения нескольких столетий*. Идеалы красоты с годами меняются, и двести лет назад при виде Сахариссы великий художник Каравати

перекусил бы свою кисть пополам; триста лет назад скульптор Мове, бросив один лишь взгляд на ее подбородок, уронил бы себе на ногу резец; тысячу лет назад эфебские поэты согласились бы, что один ее нос способен отправить в путь не меньше сорока кораблей. И еще у нее были замечательные средневековые уши.

А вот рука у нее была вполне современной и вlepила Уильяму болезненную пощечину.

– Эти двадцать долларов в месяц – почти все, что у нас было!

– Прости? Что?

– Ну да, он работает не слишком быстро, но в свое время он был одним из лучших граверов города!

– О... да. Э-э-э... – Неожиданно Уильяма захлестнула волна вины перед господином Резником.

– И вы их у нас отобрали не задумываясь!

– Я *не хотел!* Гномы просто... все просто случилось само собой!

– Вы на них работаете?

– Вроде как... С ними... – промямлил Уильям.

– А нам, видимо, остается умирать от голода?

Сахарисса стояла перед ним, задыхаясь. На ее теле были и другие прекрасно вылепленные детали, которые никогда не выходили из моды и чувствовали себя как дома в любом столетии. Она явно считала, что строгие старомодные платья сглаживают производимый ими эффект. Она ошибалась.

– Послушай, мне от них не отвернуться, – сказал Уильям, пытаясь не пялиться. – В смысле, от *гномов*, и не отвертеться. Лорд Витинари очень... *четко* выразился по этому поводу. И все вдруг так перепуталось...

– Вы понимаете, что Гильдия Граверов будет вне себя от ярости? – спросила Сахарисса.

– Ну... да. – Неожиданная идея встряхнула Уильяма сильнее, чем пощечина Сахариссы. – Это довод. А ты не хочешь, э, официально выразить эту точку зрения? Ну, знаешь: «Мы вне себя от ярости», – говорит представитель... то есть представительница Гильдии Граверов».

– Зачем? – подозрительно спросила Сахарисса.

– Мне очень нужно что-нибудь написать в следующий выпуск, – в отчаянии объяснил Уильям. – Послушай, ты не можешь мне помочь? Я могу платить тебе... двадцать пенсов за новость, а мне их нужно не меньше пяти в день.

Сахарисса открыла рот для гневного ответа, но тут в дело вмешалась математика.

– Доллар в день? – спросила она.

– Больше, если заметки будут длинными и хорошими, – выпалил Уильям.

– Для этих ваших писем?

– Да.

– За доллар?

– Да.

Она смирила его недоверчивым взглядом.

– Но вы же не можете себе этого позволить? Я думала, вы сами получаете всего тридцать долларов. Вы дедушке рассказывали.

– Все слегка поменялось. Я, честно говоря, сам еще до конца не осознал.

Сахарисса все еще глядела на него с сомнением, но присущий всем жителям Анк-Морпорка интерес к маячащему в далеком будущем доллару постепенно брал над ней верх.

– До меня, бывает, доходят слухи, – начала она. – И... что ж, запись новостей? Полагаю, это приличная работа для дамы, так ведь? Практически *культурная*.

– Э... да, что-то вроде.

– Я не хотела бы заниматься чем-то... неподобающим.

– О, я уверен, что это подобающее занятие.

– А Гильдия ведь не станет против этого протестовать, так? Вы, в конце концов, занимаетесь этим уже несколько лет...

– Послушай, я – это просто я, – сказал Уильям. – Если Гильдия будет выражать протест, ей придется разбираться с патрицием.

– Ну... хорошо... если вы уверены, что это приемлемая работа для молодой дамы...

– Тогда приходи завтра в печатню, – сказал Уильям. – Думаю, мы сможем составить еще один новостной листок за несколько дней.

Бальный зал все еще сохранял былую ало-золотую роскошь, но погрузился в затхлую полутьму, в которой укрытые тканью канделябры походили на призраков. Огонь стоявших в центре свечей неярко отражался в зеркалах на стенах; когда-то эти зеркала, должно быть, добавляли залу блеска, но со временем покрылись какими-то странными пятнами, и теперь отражения свечей были словно тусклое подводное сияние, проглядывающее сквозь лес из водорослей.

Господин Штырь прошел уже половину зала, когда понял, что слышит только свои шаги. Господин Тюльпан свернул куда-то во мрак и теперь стягивал покрывало с чего-то стоявшего у стены.

– Да чтоб меня... – сказал он. – Это же, ять, настоящее *сокровище*! Я так и *подумкал*! Подлинный, ять, Инталио Эрнесто. Видишь, какое перламутровое покрытие?

– Господин Тюльпан, сейчас не время...

– Он всего шесть таких изготовил. О нет, они его, ять, даже не настраивали!

– Проклятье, мы же вроде как *профессионалы*...

– Возможно, ваш... коллега захочет получить его в подарок? – осведомился голос из центра зала.

Кольцо свечей окружала полудюжина кресел. Они были старомодными, и спинки у них выгибались назад и вверх, образуя крутые кожаные арки, которые, предположительно, должны были защищать от сквозняков, но теперь еще и укрывали тех, кто в этих креслах сидел, глубокой тенью.

Господин Штырь здесь уже бывал. И еще в прошлый раз проникся уважением к тому, как тут все устроили. Те, кто находился в круге свечей, не могли разглядеть тех, кто сидел в креслах, и в то же самое время находились на виду.

Теперь же ему пришло в голову, что такая расстановка кресел означает еще и то, что сидящие в них не видят друг друга.

Господин Штырь был крысой. Его вполне устраивала такая характеристика. У крыс множество достоинств. И эта расстановка была придумана кем-то, мыслившим в точности как он.

Одно из кресел сказало:

– Возможно, ваш друг Нарцисс...

– Тюльпан, – поправил господин Штырь.

– Возможно, ваш друг, господин Тюльпан, захочет получить клавесин в качестве части вознаграждения? – спросило кресло.

– Это, ять, не клавесин, это, ять, вирджинал, – прорычал господин Тюльпан. – Одна, ять, струна на ноту, а не две! А называют его так, потому что это ятский инструмент для барышень!

– Надо же, а я думал, это просто старое пианино, – удивилось одно из кресел. – Простите, а как он может быть инструментом для барышень, если он...

– Это *просто* инструмент для барышень, – мягко объяснил господин Штырь. – А господин Тюльпан – не коллекционер произведений искусства, он просто... ценитель. Оплату мы возьмем камнями, как и договорились.

– Как пожелаете. Пожалуйста, пройдите в круг...

– Клавесин, ять, – пробормотал господин Тюльпан.

Новая Контора вошла в круг свечей и предстала перед незримыми взглядами кресел.

И вот что увидели кресла.

Господин Штырь был низеньким и худым, а голова у него, как у настоящего штыря, была немножко великоватой. Его можно было назвать не только крысой, но и хлыщом; он редко выпивал, следил за питанием и считал свое тело храмом, пусть и слегка непропорциональным. Еще он выливал слишком много масла на волосы и расчесывал их на пробор, вышедший из моды лет двадцать назад; черный костюм его был засален, а маленькие глазки постоянно двигались, ничего не упуская из виду.

Глаза господина Тюльпана разглядеть было сложно из-за некоторой опухлости, вызванной, скорее всего, неумеренным энтузиазмом по отношению к веществам в пакетиках³. Те же самые пакетики, видимо, были повинны в том, что тело его покрылось пятнами, а на лбу вздулись вены; впрочем, господин Тюльпан в любом случае был из тех плотных мужчин, на которых вечно грозит лопнуть одежда, и, вопреки своей любви к искусству, производил впечатление борца, завалившего тест на умственную одаренность. Если его тело и было храмом, то одним из тех жутких храмов, где в подвалах люди вытворяют странные вещи с животными; если он и следил за своим питанием, то только чтобы увидеть, как оно корчится.

Некоторые из кресел засомневались – не в том, правильно ли задуманное ими, это было неоспоримо, а в том, правильных ли людей они наняли. Господин Тюльпан, в конце концов, был не из тех, кого хочется увидеть рядом с открытым огнем.

– Когда все будет готово? – спросило одно из кресел. – И как сегодня дела у вашего... протеже?

– Нам кажется, что утро вторника – самое то, – сказал господин Штырь. – К этому времени он будет уже готов – готовее некуда.

– И никаких смертей, – добавило другое кресло. – Это важно.

– Господин Тюльпан будет смирным как агнец, – пообещал господин Штырь.

Невидимые глаза избегали смотреть на господина Тюльпана, который избрал как раз этот момент, чтобы всосать ноздрями огромную дозу «грязи».

– Гм, да, – сказала еще одно кресло. – Его светлости не следует причинять вреда свыше необходимого. Мертвый Витинари будет гораздо опаснее Витинари живого.

– И ни в коем случае не должно возникнуть никаких проблем со Стражей.

– Да, мы знаем про Стражу, – сказал господин Штырь. – Господин Кривс нас просветил.

– Под управлением командующего Ваймса Стража сделалась... весьма эффективной.

– Это не проблема, – заверил господин Штырь.

– И в ней служит вервольф.

В воздух вырвался фонтан белого порошка. Господину Штырю пришлось похлопать коллегу по спине.

– *Вервольф*, ять? Да вы свихнулись, ять?

---

³ Ваш Мозг Под Наркотиками – зрелище жуткое, спору нет, однако господин Тюльпан был живым подтверждением того, что Ваш Мозг под коктейлем из лошадиных притинок, шербета и толченых мочегонных таблеток страшен ничуть не меньше.

– А... почему ваш партнер постоянно говорит «ять», господин Штырь? – спросило одно из кресел.

– Да вы все, ять, из ума *выжили!* – прорычал Тюльпан.

– Дефект речи, – объяснил Штырь. – Вервольф? Спасибо, что предупредили. Спасибо огромное. Они хуже вампиров, когда берут след. Вы ведь в курсе, да?

– Вас порекомендовали нам как людей находчивых.

– *Дорогих* и находчивых, – уточнил господин Штырь.

Кресло вздохнуло.

– А другие встречаются редко. Хорошо, хорошо. Господин Кривс обсудит с вами этот вопрос.

– Ага, только у них такая чуйка, что вы не поверите, – продолжал бушевать господин Тюльпан. – А мертвецам, ять, деньги ни к чему.

– Другие сюрпризы будут? – осведомился господин Штырь. – У вас здесь умные стражники и один из них – вервольф. А *еще?* Может, у них и тролли есть?

– О да. Несколько. И гномы. И зомби.

– В *Страже?* Да что вы такое у себя в городе устроили?

– *Мы* в нем ничего не устраивали, – сказала кресло.

– Но нас тревожит направление его развития, – добавило другое.

– Ах да, – сказал господин Штырь. – Точно. Вспомнил. Вы же обеспокоенные граждане.

Он все знал про «обеспокоенных граждан». Где бы ты с ними ни встретился, все они говорят на одном и том же языке, в котором «традиционные ценности» означают «надо кого-то повесить». В целом господина Штыря это не заботило, но всегда полезно понимать, на кого ты работаешь.

– Вы могли нанять кого-то другого, – сказал он. – У вас тут Гильдия Убийц есть.

Одно из кресел причмокнуло.

– Проблема города в его нынешнем состоянии, – сказала оно, – в том, что большое количество в остальном разумных людей находят сложившееся положение... удобным, даже несмотря на то, что оно очевидно ведет к гибели города.

– А, – кивнул господин Штырь. – Это *необеспокоенные* граждане.

– Вот именно, господа.

– И много их?

Кресло проигнорировало вопрос.

– Мы с нетерпением будем ждать новой встречи, господа. Завтра вечером. Когда, я уверен, вы объявите, что готовы. Доброй ночи.

После того как Новая Контора ушла, в кольце кресел какое-то время царил тишина. Потом сквозь большие двери проскользнула облаченная в черное фигура, приблизилась к свету, кивнула и поспешно скрылась.

– Они покинули здание, – сказала одно из кресел.

– Какие *кошмарные* типы!

– И правда надо было обратиться в Гильдию Убийц.

– Ха! Они при Витинари *процветают!* И в любом случае нам *не нужна* его смерть. Однако у меня есть подозрение, что позже нам все-таки могут понадобиться услуги Гильдии.

– Действительно. Когда наши друзья целыми и невредимыми покинут город... дороги в это время года бывают такими опасными.

– *Нет*, господа. Будем следовать нашему плану. Господина по имени Чарли нужно держать под рукой, пока все *окончательно* не успокоится, на случай, если он нам еще пригодится, а потом наши общие знакомые увезут его далеко-далеко отсюда, чтобы, ха, вручить ему заслуженную награду. А потом, возможно, мы и обратимся в Гильдию Убийц, на случай, если у господина Штыря возникнут какие-нибудь хитрые планы.

– Верное замечание. Хотя это кажется такой зряшной тратой... Имея при себе Чарли, можно сделать такое...

– Говорю вам, это не сработает. Этот человек – идиот.

– Наверное, вы правы. Тогда стоит ограничиться однократной акцией.

– Уверен, что мы поняли друг друга. А теперь... очередное заседание Комитета по Разызбранию Патриция объявляю закрытым. И никогда не проводившимся.

Лорд Витинари привык подниматься так рано, что сон для него был лишь поводом переодеться.

Ему нравилось время перед восходом зимнего солнца. Оно обычно выдавалось туманным, из-за чего город было сложно разглядеть, и на протяжении нескольких часов царила полная тишина, лишь изредка прерываемая кратким воплем.

Но в это утро покой патриция был нарушен криком, донесшимся от дворцовых ворот.

– Расхлбдыщ!

Он подошел к окну.

– Шагом кальмарш!

Патриций вернулся к столу и колокольчиком вызвал своего секретаря Стукпостука, который был немедленно отправлен к воротам выяснять, что там такое творится.

– Это попрошайка, известный как Старикашка Рон, сэр, – доложил Стукпостук через пять минут. – Продает вот такие... листки с разными новостями.

Листок он держал двумя пальцами, словно ожидал, что тот взорвется.

Лорд Витинари взял его и прочитал целиком. Потом прочитал еще раз.

– Надо же, – сказал он. – «Анк-Морпоркская Правда». И что, кто-то еще это покупал?

– Во множестве, милорд. Люди, которые возвращались с ночной смены, торговцы и так далее.

– Однако никаких упоминаний о Расхлбдыще и Шагом Кальмарше здесь нет.

– Никаких, милорд.

– Очень необычно. – Лорд Витинари погрузился в чтение, а потом сказал: – Хм-хм. Будьте так добры, отмените мои встречи на сегодняшнее утро. Представителей Гильдии Глашатаев я приму в девять ровно, а Гильдии Граверов – в девять десять.

– Я и не знал, что они с вами встречаются, милорд.

– Они тоже, – сказал лорд Витинари. – Но когда они это увидят, то захотят встретиться. Так-так... Оказывается, во время драки в таверне были ранены пятьдесят шесть человек.

– Какое-то уж очень большое количество, милорд.

– Но это должна быть правда, Стукпостук, – ответил Витинари. – Если уж об этом напечатали. О, и свяжитесь с милейшим господином де Словвом. С ним я встречусь в девять тридцать.

Он снова пробежался взглядом по серому шрифту.

– И, пожалуйста, сделайте так, чтобы все знали: я не хочу, чтобы с господином де Словвом случилась какая-нибудь неприятность.

Стукпостук, обычно с лету понимавший, чего от него ждет хозяин, помедлил.

– Милорд, вы имеете в виду, что вы не хотите, чтобы с господином де Словвом *случилась* какая-нибудь *неприятность*, или что вы *не хотите*, чтобы с *господином де Словвом* случилась какая-нибудь неприятность?

– Стукпостук, вы что, мне подмигнули?

– Нет, сэр!

– Стукпостук, я убежден, что каждый гражданин Анк-Морпорка имеет право ходить по улицам так, чтобы с ним ничего не случилось.

– О боги, сэр! Неужели?

– Это так.

– Но я думал, что вы убежденный противник наборного шрифта, сэр. Вы говорили, что из-за него печать станет слишком дешевой и люди будут...

– Овцеплюй! – прокричал у ворот продавец новостных листков.

– Готовы ли вы к захватывающему новому тысячелетию, ожидающему нас, Стукпостук? Готовы ли вы ухватить будущее недрогнувшей рукой?

– Не знаю, милорд. А для этого защитная одежда нужна?

Когда Уильям второпях спустился по лестнице, остальные жильцы уже сидели за столом. Уильям торопился потому, что у госпожи Арканум было Мнение относительно людей, которые опаздывают на завтрак.

Госпожа Арканум, хозяйка «Меблированных Комнат Госпожи Евразии Арканум для Респектабельных Работящих Мужчин», была той женщиной, которой подсознательно готовилась стать Сахарисса. Она была не просто респектабельной, а Респектабельной; это были слившиеся воедино жизненный уклад, религия и хобби. Ей нравились респектабельные Чистые и Приличные люди; эту фразу она произносила так, словно одно без другого не существует. Она предоставляла респектабельные постели и готовила дешевые, но респектабельные блюда для своих респектабельных жильцов, которые – за исключением Уильяма – были в основном средних лет, неженатыми и убежденными трезвенниками. По большей части здесь селились мелкие ремесленники, почти все до единого крепко сбитые и тщательно выбритые; они носили рабочие башмаки, а за столом были неловко вежливы.

Как ни странно – во всяком случае, это казалось странным Уильяму, иначе представлявшему себе людей вроде госпожи Арканум, – она не возражала против гномов и троллей. По крайней мере, чистых и приличных. Приличия госпожа Арканум ставила превыше расы.

– Пишут, что в драке ранили пятьдесят шесть человек, – сообщил господин Маклдафф, который, будучи самым давним из живых постояльцев госпожи Арканум, исполнял за столом роль председателя. Он прикупил экземпляр «Правды», возвращаясь из пекарни, где работал мастером в ночную смену.

– Поразительно, – сказала госпожа Арканум.

– Кажется, их было пять или шесть, – припомнил Уильям.

– Написано, что пятьдесят шесть, – сурово ответил господин Маклдафф. – Черным по белому.

– Значит, это правда, – сказала госпожа Арканум под стройный хор согласия, – иначе им бы не позволили такое напечатать.

– Интересно, кто этим занимается? – сказал господин Упад, промышлявший оптовой продажей башмаков и туфель.

– О, наверняка специальные люди, – сказал господин Маклдафф.

– Правда? – изумился Уильям.

– О да, – ответил господин Маклдафф, один из тех крупных мужчин, которые немедленно становятся экспертами в любом деле. – Кому попало не дадут писать, что им в голову взбредет. Это же логично.

В сарай за «Ведром» Уильям пришел в задумчивом настроении.

Доброгор поднял взгляд от камня, на котором тщательно набирал текст афиши.

– Твоя доля ждет вон там, – сказал он, кивком указав на верстак.

Доля состояла в основном из медяков. И в ней было почти тридцать долларов.

Уильям уставился на нее.

– Тут какая-то ошибка, – прошептал он.

– Господин Рон с друзьями несколько раз возвращались за новыми партиями, – сообщил Доброгор.

– Но... но там же было написано о самых обычных вещах, – сказал Уильям. – Даже не очень важных. Просто... о том, что случилось.

– Ну так народ любит знать о том, что случилось, – ответил гном. – И думается мне, что завтра мы продадим в три раза больше, если срежем цену вдвое.

– Срежем цену *вдвое*?

– Народ любит быть в курсе. Вот что я думаю. – Гном снова усмехнулся. – Там в подсобке ждет юная дама.

В те времена, когда в сарае была прачечная, еще в долошадковую эпоху, часть его отгородили дешевыми панелями, чтобы отделить служащих от того человека, чьей обязанностью было объяснять клиентам, куда запропастились их носки. Сахарисса сидела на стуле, выпрямив спину, крепко вцепившись в сумочку и прижав локти к бокам, чтобы как можно меньше соприкасаться с царившей в сарае грязью.

Она кивнула Уильяму.

Так, а почему он попросил ее прийти? Ах да... потому что она была более-менее рассудительной, вела дедушкины книги, и еще, по правде сказать, потому, что Уильям нечасто встречал грамотных людей. Он встречал тех, для кого ручка была невероятно сложным механизмом. И раз уж Сахарисса знала, что такое апостроф, он готов был смириться с тем, что она ведет себя так, будто живет в прошлом веке.

– Значит, вы теперь здесь работаете? – прошептала она.

– Похоже на то.

– Вы не упоминали о гномах!

– А ты возражаешь?

– О нет. По моему опыту, гномы – народ очень законопослушный и респектабельный.

Уильям осознал, что говорит с девушкой, *ни разу* не бывавшей на определенных улицах в час закрытия баров.

– Я уже добыла для вас две хорошие новости, – продолжила Сахарисса так, словно выдавала государственную тайну.

– Э... да?

– Дедушка говорит, что на его памяти это самая долгая и холодная зима.

– Правда?

– А ему восемьдесят. Это большой срок.

– О.

– И еще вчерашнее Ежегодное Соревнование Клуба Выпечки и Флористики Сестричек Долли пришлось отложить из-за того, что опрокинулся стол с тортами. Я расспросила секретаря и все подробно записала.

– О? Гм. А ты правда думаешь, что это *интересно*?

Сахарисса вручила ему страничку, вырванную из дешевой тетрадки.

На ней Уильям прочел:

«Ежегодное Соревнование Клуба Выпечки и Флористики Сестричек Долли проводилось в Читальне на Лоббистской улице в Сестричках Долли. Председательницей была госпожа Х. Речка. Она поприветствовала всех участников и отметила Роскошность их Изделий. Призы были вручены следующим...»

Уильям скользнул взглядом по исчерпывающему списку имен и наград.

– «Образец в банке»? – спросил он.

– Это было состязание георгинов, – объяснила Сахарисса.

Уильям аккуратно вписал слово «георгина» после слова «образец» и продолжил чтение.

– «Замечательная выставка Чехлов для Мягкого Стула»?

– Да, а что?

– О... ничего. – Уильям поправил это на «выставку Чехлов для Мягких Стульев», от чего текст особенно не улучшился, и снова погрузился в чтение, ощущая себя покорителем джунглей, на которого из мирных зарослей в любой момент может выскочить какая угодно экзотическая тварь. Новость заканчивалась так:

«Однако всеобщее Настроение Омрачилось, когда голый мужчина, преследуемый по пятам представителями Стражи, вломился в Окно и пробежался по Комнате, создав немалый Беспорядок среди Ягодных Пирогов, прежде чем конец его Бесчинствам положили Кремовые Бисквиты. Встреча завершилась в Девять Вечера. Госпожа Речка поблагодарила всех Членов Клуба».

– Что скажете? – чуть боязливо спросила Сахарисса.

– Ты знаешь, – с этакой *отстраненностью* в голосе ответил Уильям, – мне кажется, что лучше этой заметке уже просто не стать. Э... как по-твоему, что из случившегося на этой встрече было самым *значимым*?

Сахарисса в смятении вскинула руку к губам.

– Ох, да! Я забыла об этом написать! Госпожа Подлиза завоевала первое место за свои бисквитные коржи! А ведь она шесть лет была второй.

Уильям уставился в стену.

– Замечательно, – сказал он. – Я бы на твоём месте обязательно это вписал. А еще ты могла бы заглянуть в штаб Стражи в Сестричках Долли и разузнать о голом мужчине...

– Ни за что на свете! Приличные дамы со стражниками не общаются!

– Я имел в виду, разузнать, почему за ним гнались, разумеется.

– Но зачем?

Уильям попытался облечь смутную идею в слова.

– Люди захотят узнать, – сказал он.

– Но разве стражники не будут против моих вопросов?

– Ну, это же *наши* стражники. Не вижу, с чего им быть против. И, возможно, ты сумеешь отыскать еще несколько глубоких стариков и поговорить с ними о погоде? Кто у нас в городе самый старый житель?

– Не знаю. Полагаю, один из волшебников.

– Можешь сходить в Университет и спросить, бывало ли на его памяти когда-нибудь холоднее, чем сейчас?

– Это тут новости на листках печатают? – раздался в дверях голос.

Он принадлежал невысокому мужчине с сияющим красным лицом, одному из тех, кого природа наградила физиономией, на которой постоянно царило такое выражение, словно ее хозяин только что услышал крайне смачную шутку.

– Я тут морковку вырастил, – продолжил он, – и получилась она ну очень интересной формы. А? Что скажете, а? Смешно ведь, а? Я ее в паб отнес, так все чуть животики не надорвали! Там мне и сказали, что надо про нее написать в вашем листке!

Он продемонстрировал морковку. Та была ну очень интересной формы. А Уильям приобрел ну очень интересный цвет.

– Это *очень* странная морковка, – сказала Сахарисса, смерив ее критическим взглядом. – Вам так не кажется, господин де Словв?

– Э... Э... так ты все-таки сходишь в Университет? А я пока пообщаюсь с этим... господином, – выдавил Уильям, когда почувствовал, что снова может говорить.

– Моя жена хохотала до упаду!

– Повезло вам с женой, сэр, – скорбно сказал Уильям.

– Жалко, что на ваших листках картинки нельзя печатать, да?

– Жалко, но у меня и так уже достаточно проблем, – сказал Уильям, открывая блокнот.

Разобравшись с мужчиной и его уморительным овощем, он вышел в печатню. Гномы переговаривались, сгрудившись вокруг люка в полу.

– Насос опять замерз, – объяснил Доброгор. – Не можем разводить краску. Старый Сыр говорит, тут где-то раньше был колодец...

Снизу послышался крик. Пара гномов спустилась по лестнице.

– Господин Доброгор, вы можете придумать хоть одну причину, по которой мне стоит напечатать *вот это* в листке? – сказал Уильям и передал ему отчет Сахариссы о встрече Клуба Выпечки и Флористики. – Оно какое-то... скуchnоватое.

Гном прочитал отчет.

– Я вижу семьдесят три причины, – сказал он. – Потому что здесь семьдесят три имени. Думаю, людям понравится видеть свои имена в листке.

– А что насчет голого мужчины?

– Ага... жалко, что она его имени не узнала.

Внизу снова закричали.

– Может, посмотрим, что там? – предложил Доброгор.

Уильяма совершенно не удивило, что подвальчик под сараем был построен лучше, чем сам сарай. Почти в любом доме Анк-Морпорка был подвал, в прошлом служивший первым, а то и вторым или третьим этажом древнего здания, построенного в эпоху одной из городских империй, когда люди думали, что будущее продлится вечно. А потом река выходила из берегов и приносила с собой ил, и стены росли еще выше, так что к нынешним временам Анк-Морпорк уже стоял в основном на Анк-Морпорке. Поговаривали, что человек с киркой и хорошим чувством направления может под землей пройти город из конца в конец, всего лишь пробивая дыры в стенах.

У одной стены были свалены ржавые жестянки и доски, до того гнилые, что рвались как бумага. А в середине этой стены была замурованная дверь, и не такие уж старые кирпичи, которыми ее заложили, уже выглядели ветхими и раскрошившимися в сравнении с окружающим их древним камнем.

– Что за этой дверью? – спросил Боддони.

– Наверное, старая улица, – предположил Уильям.

– У *улицы* есть подвал? И что она там хранит?

– О, когда городские районы сильно затапливает при наводнении, народ просто надстраивает дома, – объяснил Уильям. – Когда-то эта комната была на первом этаже, понимаете? В ней просто замуровали двери и окна и построили сверху новый этаж. Говорят, что в городе

есть места, где под землей шесть или семь этажей. В основном забитых грязью. И это я еще выражения тщательно подбираю...

– Мне сказали найти такого господина Уильяма де Словва, – пророкотал кто-то над их головами.

Огромный тролль навис над люком, заслоняя свет.

– Это я, – отозвался Уильям.

– Патриций готов тебя принять.

– Но у меня не назначена встреча с лордом Витинари!

– Ты прям удивишься, – сказал тролль, – когда узнаешь, как много народу не в курсах, что у них встреча с патрицием. Так что давай пошевеливайся. Я б на твоём месте пошевеливался.

В кабинете не было никаких звуков, кроме тиканья часов. Уильям опасно наблюдал за тем, как забывший, похоже, о его присутствии лорд Витинари перечитывает «Анк-Морпоркскую Правду».

– Крайне... любопытный документ, – неожиданно сказал патриций, отложив ее в сторону. – Но я вынужден спросить... *Зачем?*

– Это просто мое новостное письмо, – сказал Уильям, – только побольше. Э... народу нравится знать, что происходит.

– Какому народу?

– Да... любому, в общем-то.

– Правда? И эти народы вам сами в этом признались?

Уильям сглотнул.

– Э-э... нет. Но вы же знаете, что я уже давно рассылаю такие письма...

– Различным иностранным дворянам и тому подобным людям, – кивнул Витинари. – Людям, которым *нужно* знать, что происходит. Потому что это знание – часть их профессии. Но вы же продаете эти листки прохожим на улице, верно?

– Ну, да, сэр.

– Интересно. Скажите, можете ли вы представить себе государство в виде, скажем, старой гребной галеры? Из тех, у которых в трюме были ряды гребцов, а кормчий и все прочие находились на палубе? Безусловно, все эти люди заинтересованы в том, чтобы судно не перевернулось, но подумайте вот о чем: возможно, гребцам не обязательно знать о каждой отмели, которую они обогнули, о каждом столкновении, которого они избежали. Это их только растревожит и собьет с ритма. Гребцам нужно знать только одно – как грести, хмм?

– И еще – что у них хороший кормчий, – добавил Уильям. Он не смог удержать эту фразу. Она сказала себя сама. И, очутившись на воле, повисла в воздухе.

Лорд Витинари устремил на него пристальный взгляд, продержавшийся на несколько секунд дольше необходимого. А потом на его лице *мгновенно* расцвела широкая улыбка.

– Безусловно. Это они знать должны, должны обязательно. Сейчас, в конце концов, эпоха слов. Значит, в таверне ранили пятьдесят шесть человек, да? Поразительно. Какими еще новостями вы нас удивите, сэр?

– Н-ну, э... сейчас очень холодно...

– Правда? Неужели? Кто бы мог подумать!

Крошечный айсберг врезался в стенку чернильницы, стоявшей на столе лорда Витинари.

– Да, и еще вчера вечером на встрече какого-то кулинарного клуба произошла... стычка...

– Стычка, да?

– Хотя, наверное, скорее потасовка⁴. И еще один человек вырастил забавную морковку.

– Превосходно. И какой она формы?

– Весьма... затейливой, сэр.

– Могу ли я дать вам один совет, господин де Словв?

– Разумеется, сэр.

– Будьте осторожны. Народу нравится, когда вы говорите ему то, что он уже знает. Не забывайте об этом. Он нервничает, когда ему рассказываешь о чем-то новом. Новое... ну, новое – это не то, чего он ожидает. Ему нравится знать, что, например, собака укусила человека. Это то, что свойственно собакам. Ему не нравится знать, что человек укусил собаку, потому что мир так работать не должен. Короче говоря, народ *думает*, что хочет новостей, но на самом деле он жаждет *старостей*. И я вижу, что вы это уже поняли.

– Да, сэр, – ответил Уильям, который вовсе не был уверен, что понял это до конца, но точно знал: то, что он понял, ему не нравится.

– Как я понимаю, Уильям, Гильдия Граверов хочет что-то обсудить с господином Доброгором, но сам я всегда считал, что мы должны двигаться в будущее.

– Да, сэр. В любом другом направлении двигаться очень трудно.

И вновь чересчур долгий взгляд, а за ним – неожиданное оживление на лице.

– Верно. Доброго вам дня, господин де Словв. О... и будьте осторожны. Вы же не хотите попасть в новости... правда?

Возвращаясь на Блестящую улицу, Уильям размышлял над словами патриция, а чересчур глубоко задумываться, шагая по улицам Анк-Морпорка, – решение не очень мудрое.

Он прошел мимо Себя-Режу-Без-Ножа Достабля, не удостоив его и кивком, – впрочем, господин Достабль был в тот момент занят. У него наклеивалось двое покупателей. Два клиента за раз – за исключением случаев, когда один брал другого на слабо, – были большой редкостью. Но эта парочка его беспокоила. Они *внимательно рассматривали* товар.

С.Р.Б.Н. Достабль продавал сосиски и пирожки по всему городу, даже перед зданием Гильдии Убийц. Он хорошо разбирался в людях, а особенно хорошо понимал, в какой момент лучше с невинным видом свернуть за угол и дать деру, и только что пришел к заключению, что ему сегодня очень не повезло с выбором места и что менять его уже поздно.

---

⁴ Слова подобны рыбам, в том плане, что некоторые из них способны выжить только в своего рода рифах, где их причудливые очертания и значения защищены от сумятицы открытого моря. «Потасовка» и «стычка» обитают лишь на страницах определенных изданий (точно так же, как «напитки» встречаются лишь в определенных меню). В нормальном разговоре вы их не услышите.

Он нечасто встречал *прирожденных* убийц. Обычных – случалось, но у них почти всегда был какой-нибудь странный мотив, а убивали они, как правило, друзей и родных. И наемных убийц он встречал очень много, но их отличал особый стиль, и у них даже были правила.

Эти двое были *прирожденными* убийцами. Здоровяк в усыпанном порошком сюртуке, от которого пахло нафталином, был просто головорезом, ничего особенного, а вот от второго, тщедушного и с прилизанными волосами, воняло жестокой и мелочной смертью. Нечасто доводится взглянуть в глаза человеку, который убьет тебя, потому что это покажется ему неплохой идеей.

Двигаясь как можно осторожнее, Достабль открыл *особое* отделение своего лотка, высококлассное отделение, в котором лежали сосиски, сделанные из 1) мяса, 2) известного четвероногого животного, 3) скорее всего, обитавшего на суше.

– Могу порекомендовать еще вот эти, господа, – сказал он, а потом, поскольку старые привычки умирают долго, не смог удержаться и добавил: – Отборнейшая свинина.

– Хорошие, да?

– Других вам больше не захочется, сэр.

Второй убийца спросил:

– А другой сорт есть?

– Простите?

– Из копыт, свиных соплей и крыс, упавших в ятскую мясорубку.

– Господин Тюльпан говорит о сосисках более *органического* рода, – пояснил господин Штырь.

– Ага, – сказал господин Тюльпан. – Я большой, ять, любитель природы.

– Вы уверены? Нет, нет, хорошо! – Достабль поднял руки. Настроение у парочки переменялось. Они явно были уверены всегда и во всем. – Что-ож, вы, значит, хотите плохую... э, менее хорошую сосиску, да?

– Такую, ять, чтобы в ней ногти были, – подтвердил господин Тюльпан.

– Ну, гм... у меня... я мог бы... – Достабль сдался. Он был торговцем. И продавал то, что продавалось. – Давайте-ка я расскажу вам вот об *этих* сосисках, – начал он, немедленно переключив свой внутренний двигатель на задний ход. – Когда на бойне кто-то отрубил себе палец, мясорубку даже не остановили. Крыс вы там, наверное, не найдете, потому что крысы этим местом брезгуют. Там таких зверей забивают, которые... ну, вы слышали, что жизнь выползла из какого-то там супа? Вот и эти сосиски тоже. Если хотите плохую сосиску – лучше этих не найдете.

– Ты их придерживаешь для особых покупателей, да? – спросил господин Штырь.

– Для меня, сэр, каждый покупатель – особый.

– А горчица у тебя есть?

– Люди, конечно, *называют* это горчицей, – Достабль начинал увлекаться, – но я это называю...

– Я *люблю* ятскую горчицу, – сообщил господин Тюльпан.

– ...*отличной* горчицей, – немедленно выкрутился Достабль.

– Мы возьмем две, – сказал господин Штырь. За кошельком он не потянулся.

– За счет заведения! – воскликнул Достабль. Оглушил две сосиски, положил их в булочки и протянул покупателям. Господин Тюльпан забрал обе и заодно банку с горчицей.

– А знаешь, как в Щеботане называют сосиску в тесте? – спросил господин Штырь, когда они отошли от лотка.

– Нет, – ответил господин Тюльпан.

– Они ее называют «ле сосиска в ле тесте».

– Что, ять, на иностранном языке? Да ты, ять, шутишь!

– Я тебе, ять, не шутник, господин Тюльпан.

– Ну, то есть они же должны ее называть какой-нибудь... какой-нибудь... сосиской *dans la derrière*, – продолжал господин Тюльпан. Он вкусил Достаблева деликатеса. – По вкусу и не отличить, – добавил он с набитым ртом.

– В *месте*, господин Тюльпан, а не «в одном месте».

– Я знаю, что хотел сказать. Омерзительная, ять, сосиска.

Достабль смотрел им вслед. В Анк-Морпорке подобную манеру речи нечасто можно было услышать. Большинство людей не пересыпало слова буквами, давно исключенными из алфавита, и Достабль никак не мог взять в толк, чем господину Тюльпану приглянулась именно «ять».

У большого дома на Желанно-Мыльной улице собралась толпа, а пробка из повозок доходила уже до самого Бродвея. *А когда собирается толпа*, подумал Уильям, *кто-то должен написать почему*.

В этом случае причина была очевидна. На пятом этаже, на плоском карнизе снаружи окна, стоял, прижавшись к стене, человек и с каменным лицом смотрел вниз.

Толпа пыталась ему помочь. *Разубеждать* человека в такой ситуации было не в практическом характере анк-морпоркцев. В этом городе, в конце концов, каждый был волен делать что хотел. В том числе и давать советы.

– Здание Гильдии Воров-то получше будет! – орал один мужчина. – Шесть этажей, а внизу – хорошие твердые булыжники! Черепушку с первой попытки расколешь!

– А вокруг замка приличная брусчатка, – посоветовал стоявший рядом.

– Оно конечно, – возразил его сосед. – Только ведь патриций его уьет, если он попробует оттуда спрыгнуть, понимаешь?

– Ну и?

– Ну и дело же в *стиле*, разве нет?

– Башня Искусства хорошо подходит, – уверенно сказала какая-то женщина. – Почти девятьсот футов. И вид будет хороший.

– Верно, верно. Только и времени на раздумья будет навалом. В полете, я имею в виду. Не лучшее время для рефлексии, как по мне.

– Послушайте, у меня тут целая телега креветок, и, если я еще немного задержусь, они домой *нешком* пойдут, – простонал возница. – Чего он там *возится*?

– Размышляет. Это ж большой шаг.

Мужчина, стоявший на карнизе, повернул голову, услышав шарканье. Уильям пробирался вдоль стены, стараясь не глядеть вниз.

– Доброе утро. Чего, отговаривать меня пришел?

– Я... Я... – Уильям *изо всех сил* старался не глядеть вниз. С улицы карниз казался намного шире. Он уже жалел, что забрался сюда. – Мне бы и в голову не пришло...

– Я всегда открыт для попыток меня отговорить.

– Да, да... э... не сообщите ли вы мне свое имя и адрес? – спросил Уильям. Он и не подозревал, что здесь, наверху, вокруг крыш гуляет такой неприятный и коварный ветер. Он перелистывал страницы блокнота Уильяма.

– Зачем?

– Ну... потому что после прыжка с такой высоты на твердую землю подобные вещи бывает уже сложно узнать, – объяснил Уильям, стараясь выдохнуть не слишком много воздуха. – А если писать об этом в листок, то будет гораздо лучше, если я расскажу, кем вы были.

– Какой еще листок?

Уильям достал из кармана экземпляр «Правды». И молча передал трепещущий на ветру лист мужчине.

Тот уселся на карниз, свесил ноги в пустоту и, шевеля губами, прочитал новости.

– Так это что, вещи, которые случились вславу? – спросил он. – Вроде как глашатай, только напечатанный?

– Верно. И так, как вас звали?

– А чего это сразу «звали»?

– Ну, знаете... очевидно... – выдавил из себя Уильям. Он жестом указал на пустоту и чуть не потерял равновесие. – Если вы...

– Артур Сдвиг.

– А где вы жили, Артур?

– На Лепечущем проезде.

– А кем работали?

– Опять ты с прошедшим временем. А вот стражники мне обычно чашечку чая приносят.

В голове Уильяма ударил тревожный набат.

– Вы... часто прыгаете, да?

– Не, я только самое сложное делаю.

– В смысле?

– В смысле, наверх забираюсь. А прыгать я, конечно, не прыгаю. Для такой работы особого умения не надо. Я больше по крикам о помощи.

Уильям попробовал вцепиться в отвесную стену.

– А помощь эта заключается в...

– Двадцать долларов наскребешь?

– Или вы прыгнете?

– Ну, не совсем *прыгну*, конечно. Не до конца. Не в полном смысле. Но я продолжу угрожать, что прыгну, если понимаешь, о чем я.

Здание теперь казалось Уильяму куда выше, чем когда он поднимался по ступеням. Люди внизу были гораздо меньше. Он различал поднятые кверху лица. В толпе был Старикашка Рон со своей лишайной псиной, и остальные нищие тоже, потому что какая-то необъяснимая сила всегда притягивала их туда, где разыгрывались импровизированные уличные представления. Уильям даже разглядел табличку «Пугаю за еду», которую держал Генри-Гроб. А еще колонны телег, парализовавшие уже полгорода. Уильям почувствовал, что его колени слабеют...

Артур подхватил его.

– Эй, это *мое* место, – сказал он. – Найди себе другое.

– Вы говорили, что прыжки – это такая работа, для которой особого умения не надо, – сказал Уильям, пытаясь сосредоточиться на своих заметках, пока мир плавно вращался вокруг него. – А кем вы работали *раньше*, господин Сдвиг?

– Верхолазом.

– *Артур Сдвиг, а ну-ка слезай оттуда немедленно!*

Артур посмотрел вниз.

– О боги, они притащили мою женушку, – сказал он.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.